

**Остен
Кальт**

**Четыре берега
Трибрежного моря**

Остен Кальт

Четыре берега Трибрежного моря

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64096077
Четыре берега Трибрежного моря: Перо; Москва; 2021
ISBN 978-5-00171-869-7*

Аннотация

История, глазами необычных девочек – подростков.

История Драконов, Эльфов, Фей и конечно – Людей.

КАЖДЫЙ из перечисленных персонажей является **ГЛАВНЫМ** действующим лицом неразрывно связанных между собой историй, происходящих на Четырех берегах «Трибрежного Моря».

Детективная История Любви, Ненависти, Дружбы и Предательства. И Цены этих чувств.

Цены, которую приходится платить Всем. Платить независимо от того, Человек Вы или «Волшебное создание» и, независимо от того, в каком измерении и в какой точке времени и пространства тот или иной поступок был совершен.

Содержание

Обращение к читателю	6
Действующие лица	7
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	27
Глава 5	39
Глава 6	44
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9	64
Глава 10 (или продолжение главы 7)	66
Глава 11	79
Глава 12 (Отрывок из истории Великих Драконов по имени Тот и Анубис)	85
Глава 13 (Начало Истории семей Фафнира, Лунга Первого (предка Лунгвайта), семьи Гуннбьорн и Валькирии Регинлейв)	96
Глава 14	105
Глава 15	109
Глава 16 (Первое знакомство Лунгвайта и Нельгды)	115
Глава 17	137

Глава 18	143
Глава 19	162
Глава 20	166
Глава 21	178
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Остен Кальт
Четыре берега
Трибрежного моря

© Остен Кальт, 2021

Обращение к читателю

Эта Книга объединила разрозненные рассказы, истории и даже некоторые невысказанные мысли участников нижеописанных событий.

Свидетелем некоторых из этих событий был, является или непременно окажется и сам Автор. Вполне возможно, что и некоторые из читателей были или будут вовлечены в эти истории.

С уважением к открывшему эту Книгу, Остен Кальт

Действующие лица

Лунгвайт Третий (*Большой Белый Дракон, для друзей – Лунг, или ББД*).

Брайяр (*Ее Высочество Принцесса Брайяр*).

Его Величество Магнус Третий Миролюбивый (*для друзей – Магнус, для Брайяр – Папа*).

Вивиан (*Фея Кристал-Лохка, Блэк-Свомпа... и не только*).

Эль и Пыль (*Двойняшки*).

Нейт (*близкая подружка Эли и Пыли*).

Йо Нельгда Найт-Нюи-Ночь (*для супруга – Йо, для друзей – Нельгда*).

Гуннбьорн Ульфсон Третий (*для друзей – Гунн*).

Сэр Томас ле Диспенсер Первый (*друзья отсутствуют*).

Сэр Лонселот Кристал – Лохкский и Блэк – Свомпский (*для друзей – Лонс*).

Сэр Рыцарь «Красного Кровавого Рассвета», Барон Рэд Рэдклиф (*для друзей – «Красный», или Рэд, что одно и то же*).

Рибхукшан Плодородный (*для друзей – Риб. Иногда любит себя называть Абсолютно Добровольно Подданным Ее Величества Феи Вивиан*).

И конечно же:

контроль»).

Глава 1

Двумя резкими порывами ветерок пронесся над гладью воды, покрыв ее мелкой сверкающей рябью. Потом превратил и без того мельчайшие брызги, висящие над водопадом, в пыль.

В этой водяной пыли солнце мгновенно перекинуло радужный мост из ниоткуда в никуда. Видимо, ветерку этого показалось мало, и он хулигански закрутил водяной туман в пару небольших смерчков. Солнце поддержало эту игру, и горбатых радужно-разноцветных мостиков стало несколько.

Затем ветерок, удовлетворившись картинкой, рванулся ввысь, пробил насквозь и оторвал от тяжело падающего, грозного потока воды несколько клочков пены.

Чуть позже (уже далеко вверху) он прошел сквозь поток воды еще раз, перелетел через почти замершую в тщетной попытке не сорваться, но уже тысячи лет безысходно-восторженно падающую в бездну водяную верхушку.

Верхушку исполинского водопада, похожую на темную спину бесконечно медленно ныряющего кита.

И, наконец, две пары Крыльев поймали «горизонт» и уже только Синим и Зеленым, искрящимися отражениями, в чистом зеркале «Трибрежного Моря» полетели над водой.

Две пары сильных, не знающих усталости Крыльев, несли **Эль и Пыль** к Третьему берегу.

Берегов было действительно только три. По большому счету, у морей только один берег, однако его условно делят по сторонам света – Северный, Южный, Восточный, Западный, но не в нашем случае.

В нашем случае названия берегов «Трибрежного Моря» были связаны с именами народов, их населяющих. Обитатели берега, к которым относились Эль и Пыль, предпочитали в повседневной жизни называть их «первый», «второй» и «третий». Два из них были «строго не рекомендованы» для посещений без сопровождения взрослых. А вот третий был родным.

Четвертый берег (как вы уже наверняка догадались) скрывался за водопадом и был далеко внизу. Видимо, поэтому назвавший это чудо «Трибрежным Морем» пренебрег четвертым берегом, представляющим собой узкий, пусть при этом и очень длинный клочок каменистой суши, на которой никто постоянно не жил. Однако и он имел свое название – «Предел». При всем этом «Предел» был едва ли не самым интересным местом здешнего мира и был не совсем так чтобы берегом... Вернее, он был именно пределом. Пределом, за которым существовал настоящий четвертый берег. Берег огромного внешнего мира, где и будут разворачиваться пусть и не основные, но немаловажные события нашей истории.

Начало Родного берега наших героев(того, который на-

зывался третьим) представляло из себя полосу холмистых дюн тончайшего, ослепительно-белого песка.

Ах, эта граница между водой и сушей!.. Граница между спокойствием и вечным движением. Граница изменчивая и постоянная. Тонкая черта. Черта между водой и песком. Песком, что так чудно пел под легким ветерком и обидчиво-сварливо (словно снег) скрипел под босыми ступнями.

Граница между песком и водой. Водой, которая настойчиво, но безуспешно стремилась нарушить эту границу.

А дальше... Дальше границу дюн резко очерчивала зеленая полоса маленьких, кривеньких, едва доходивших до колена длинноиглых сосен, щедро усыпанных мелкими смолистыми шишками. Из этих шишек мама Эли и Пыли варила прекрасное, хрустящее песчинками на зубах, варенье. Сосенки увеличивались в размере по мере удаления от берега и в конце концов превращались в великолепный сосновый лес, который уже тянулся до самой подошвы Гор.

Гор, что заслоняли горизонт от края до края – насколько хватало глаз...

Выйдя из моря и отпустив руку своей сестренки-двойняшки, Эль села и уперлась щеками в коленки, крепко обхватив лодыжки руками. Скосив глаза к переносице, она смотрела на капельки, стекающие с прядей темных волос и падающие между ног на белый песок.

Капли падали все реже и реже. Они пробивали маленькие

темные кратеры и ущелья, которые на глазах светлели. Испарившись окончательно, вода оставляла после себя причудливый узор на ровной поверхности песка.

Пыль устроилась рядом с сестренкой.

Шлепнувшись спиной на горячий песок, она застонала, едва вынося его нестерпимый жар, но не двинулась с места, а, продолжая постанывать, медленно раскинула руки и ноги в стороны. Своими крыльями девочка соорудила подобие зонтика над головой.

– О-о-о-о! Это прекрасно! Я сейчас заурчу!

– Скорее зашкварчишь и изжаришься.

– Только подрумянюсь до аппетитной корочки. У моих многочисленных поклонников слюнки потекут!

Эль подняла глаза на сестру, прищурилась и проворчала:

– Ну да, ты ж у нас красотка. Хитрюга, конфигурируйтесь до конца. Крылья-то убери.

– Эль, прекрати занудствовать! Солнце в глаза бьет. Да и... Нет ведь никого! Сама-то сидишь голопопая. Прикройся – не маленькая, чай, – деланно равнодушно, но не без издевки возразила Пыль.

Эль вскочила на ноги, откинула волосы за спину, похлопала себя по попе, отряхнув прилипшие песчинки, и с вызовом посмотрела на сестру.

– Я не голопопа! Я нага! И я прекрасна в человеческом обличье!

– Ты? – усмехнулась Пыль. – Нет, крошка моя! В челове-

ческом обличье ты просто голопопая!

Эль встала «в позу», подняла лицо к небу, приложила ладонь ко лбу, сделала отрешенное лицо и... театрально, нараспев «заблажила:

**Голопопая – голописяя,
Голоспинная – голосисяя.
Голоногая – голопятая.
Очень стройная – ненажратая...**

Пыль «хрюкнула», потом чихнула и, наконец, расхохоталась в голос:

– Ой! Держите меня... Умру... – «ненажратая»!

Эль надула губы:

– Стихи прекрасные! Ну...рифма и вправду... – Она на секунду замялась. – А поскольку импровизация! Плюс – я действительно очень стройна, и даже ты не сможешь отрицать очевидное, милая моя!

– Допустим, – хихикнула Пыль. – Но, Эль... Что за «ненажратая»? Это что? Это поэзия? Это рифма?

– Изволь, сестренка. Я объясню! – Эль скрестила руки на груди. – Первое: я о-о-о-очень голодна. Уж ты поверь мне на слово. Второе: в данный момент я хочу не есть, а жрать! Так что рифма здесь очень даже к месту. Она как нельзя лучше отражает мое внутреннее состояние!

– О! Как тонко вы рассуждаете, милая Эль! – продолжала язвить Пыль. – Термины «ненажратая» и «голопопая» толь-

ко подтверждают вашу возвышенность!

– Да! Представь себе! – щеки Эль вспыхнули от обиды – А «голопопость» – это не «криминал», а вот конфигурацию, милейшая Пыль, завершать надо полностью! – вдруг закончила свою речь Эль.

– Ой, ой... какие мы правильные! Там, за пределом «предела», это закон, в «пределе» это рекомендация, а здесь – поже-ла-ни-е! И потом, это вовсе не полная конфигурация.

– Как знаешь... – неожиданно равнодушно Эль прервала их привычную пикировку, которая могла длиться часами.

Обе девчонки затихли. Эль, казалось, задремала, а Пыль пересыпала из ладошки в ладошку все уменьшающуюся горсточку песка. Потом она зажала остатки в кулачок, тонкой струйкой пустила по ветру, решительно отряхнула ладошки и сказала:

– Ты его видела?

– Кого? – Эль открыла глаза.

– Не беси меня! Ты ведь знаешь, что я говорю о нем...

– Видела... – все еще безразлично ответила Эль.

– Слушай, а зачем это ему?

– Кто его знает... Он вообще... Странный... – Эль зевнула.

– Он – Великий.

– Я так и сказала. – Эль еще раз сладко зевнула и снова закрыла глаза.

Чуть ранее!

Да, да! Чуть ранее, в тот момент, когда Эль и Пыль скользили вверх, вдоль «изнанки» водопада (между исполинской скалой и падающей водой)...

Так вот, в этот момент навстречу им с внешней стороны пронеслась тень.

Взглянув вниз, куда почти беззвучно, но с невообразимой мощью низвергалось море, они успели рассмотреть ЕГО.

Эль и Пыль не испугались и не особенно удивились. Во-первых, это был ББД, ну, а во-вторых, это ведь был БДД. И, в-третьих, и так далее...

Он был Великим и (о Да!) он был Станным. Странность объясняла многое, но – «Зачем?» – вот что заинтриговало Эль и Пыль.

– Великий и Станный, – пробормотала Пыль.

– Одно другому не мешает.

– Ему это помогает. Думаю, что именно Величие делает его Станным для обычного восприятия.

– Еще бы. Если бы Странность делала его Великим, то это был бы обман и жульничество, – хмыкнула Эль.

– Но... Зачем? Почему в первой конфигурации и явно без малейшей левитации?

Эль не ответила, а лишь пожала плечами.

Еще немного помолчали.

Пыль развеяла еще несколько горстей песка, пустив их по ветру. Потом завершила наконец конфигурацию, убрав кры-

лья, так возмутившие ее сестру.

Теперь она рассеянно накручивала на палец чуть влажную прядь светлых волос. Светлых от рождения, а на летнем солнце выгоревших и того больше (почти до соломенного блеска).

И Эль, и Пыль задумчиво смотрели на оставленные ими следы.

Две дорожки отпечатков их ступней тянулись от воды, постепенно меняясь по форме и размеру. Если у воды они были большими и резко очерченными, глубоко взрыхленными острыми когтями по переднему краю, то по мере удаления от полосы прибоя теряли в размере и глубине. Далее (уже вполне человеческие) они почти исчезали на твердой поверхности плотно утрамбованного ветром песка.

– Так! (одновременно).

– Когда? (одновременно).

– Давай сегодня, – сказала Пыль.

– Давай, но после обеда, а то я «ненажратая», – сказала Эль.

– А солнца тебе мало?

– А вкусовые ощущения? Я ж говорю – «ненажратая»! Это ты у нас приземленная, а я создание возвышенное!

– Ну-ну... Твоя возвышенность как-то не очень гармонирует с твоим словарным запасом. Ненажратая ты моя!

Глава 2

В «нежном» возрасте не бывает обыденного, и путь домой для девчонок был не менее интересен, нежели из дома. Эль пыталась комментировать и рифмовать все, что встречалось на пути, а Пыль пыталась вычислить близость Луны к Земле по косвенным признакам (тем более, что это было ее внеклассным заданием).

– Эль, а-а-а ты часом не помнишь, как определить близость и фазу Луны без календаря?

– Отстань.

– А за «пределом»? Там фазы Луны такие же?

– Отстань.

– Ну, Эль, ну, пожалуйста.

Эль усмехнулась:

– Ну-у-у-у, значит, так. Слушай внимательно. Повторять не буду.

– Ага, я прямо вся одно большое ухо!

Эль продолжила:

– Облака перистые. Солнце почти в зените, но диск Луны виден на небосклоне довольно отчетливо. Однако придорожные цветы еще не раскрылись и головки их понуро опущены. Муравьи сонные, как тетери, мухи – поденки медленно кружат в тени деревьев, пчелы нехотя собирают нектар с истомленных полуденным зноем цветов. Поньйи...

– Э-э-э-э-э! Э-л-л-ль!

Прервала сестренку Пыль. Она едва не заснула на ходу под это монотонное бормотание.

– А? – воскликнула Эль. Казалось, она и сама едва не заснула.

– Эль! Ближе к делу!

– На чем я остановилась?

– Поньйи!

– А? Что? А, что, Поньйи? Ах да, Поньйи...Поньйи. Поньйи – ржут, как кони! Вернее, хихикают! А это значит, что одуванчик «пылит»!

– Они ее что, радостно едят или нюхают? Ну-у-у, эту пыльцу одуванчика?

– По большому счету они от нее чихают, а когда один из Поньйи чихает, то другие начинают хихикать.

– Злорадствуют, стало быть?

– Нет. Я думаю, что они смешно чихают, чем и веселят сородичей...Да какая тебе-то разница?

– То есть луна близко?

– Луна?

– Ну да! Она близко или полная? Или... какая она?

– А что Луна? – со шкодливой улыбкой спросила Эль.

– А!!! Опять ты! Слушай, ну тебе не стыдно? Чего ты мне тут наплела? Муравьи, Поньйи... Ненавижу тебя. Мы же договаривались, что «Минутка безумия» начинается по согласию!

– Ладно, ненавидь, – пожалала плечами Эль, – но чтоб ты не особо обижалась, то вот тебе стих про один из основных признаков полной и близкой Луны! Это я папиным прозаическим наставлениям по мореходному делу придала чудную поэтичную форму. Слушай!

Эль начала с трагическим подвывом, как и должно (по ее мнению) декламировать...

СТИХ в стиле Илиады!

**О странник! Коль ты вышел в море
И парус твой, наполнившись пассатом,
принес тебя к далеким берегам,
То прежде, чем покинуть свой корабль
И бросить якорь в неизвестной бухте
(дабы ступить на долгожданный берег),
Внимательно смотри на грань прилива.
Его границы вычислить несложно –
по краю жизни, что не свойственна воде
и коей жить запретно и не должно
в сей мокрой и просоленной стихии.
Коль ты увидишь след волны у трав прибрежных,
Знай – то прилив для моря неизбежный.
А коль трава морская неподвижно лежит
на темном и спрессованном песке,
а моря край волнуется чуть дальше....
То пред тобой – Отлив.**

И упаси тебя «Нептун» с трезубцем, что всевластен над гордою стихиею морскою...

Неожиданно прервавшись, Эль схватила сестренку за локоть.

– Осторожно!

В ту же секунду на тропинку, поднимая облачка пыли, неуклюже, но на редкость быстро вылетело с десятков пестрых, малюсеньких лошадок, размер которых едва превышал размер взрослой собаки. Пробежав по тропинке небольшое расстояние, табунок столь же неожиданно нырнул в высокую травку с другой стороны тропы – как его и не бывало.

Создания эти были не только малюсенькими, но и до невозможного смешными. Создавалось впечатление, что Поньйи вылеплены из глины неумелыми детскими руками и раскрашены ими же, столь же неумело – вкривь и вкось. Были они, будто размалеваны разноцветными карандашами и красками с потеками и кляксами в самых неожиданных местах своего минилошадиного тела.

– Ой, спасибо, Эль. Чуть не покалечила малявочек... Главное, только про них говорили – и на тебе! Слушай, а почему они не ржут, а хихикают?

– Кто их поймет, может, потому, что они веселые... И потом, я вообще не уверена, что они лошади...

В этот момент из зарослей ромашек вышел еще один Поньйи, остановился, внимательно посмотрел снизу вверх

на девчонок, наострил разнокалиберные ушки(одно было больше другого раза в два), понюхал воздух.

– Это вожак, – шепотом сказала Пыль.

– Ага, он всегда позади ходит. Поэтому, если быть точным, то он не вожак, а задняк какой то!

Вожак-задняк опустил ухо (то, что подлиннее), а потом и второе.

– О, смотри, расслабился.

Поньйи скосил маленькую головку (как собачка), моргнул, потом громко «хихикнул», встал на дыбы и исчез вслед за своими подопечными.

– Не, они точно не лошади, – усмехнулась Эль.

– Почему?

– Слишком осмысленно хихикают...

– В каком смысле осмысленно?

– Ну, увидел тебя и давай «ржать». Вот в каком смысле, – уже в голос рассмеялась Пыль.

– Ты ведь сказала, что это от одуванчиковой пылец... Фу!

Какая ж ты мерзкая и гадкая болтушка!

– Ну не злись, друг! – сказала Эль и продекломировала:

Гадкая – не гадкая, а для всех загадка я!

И вовсе я не мерзкая, а смелая и дерзкая!

Во все не плохая, но меня все хают!

Во все... э-э-э...

Пыль ее перебила, оспользовавшись заминкой сестренки, и закончила «стих»:

Вовсе не болтушка, а просто вру подружкам!

И добавила со смехом:

– Ладно, пошли домой, стихоплет!

– Пошли, тем более что уже практически дошли. А все потому, что поэзия сокращает самый дальний и тяжелый путь!

– Так то поэзия, а не твои так называемые импровизации! – поддела сестренку Пыль.

Эль только фыркнула в ответ и не поддалась на привычную провокацию Пыли.

Глава 3

Действительно, до дома остался один изгиб тропинки, за которым уже был виден их городок.

Первое, что видел всякий, кто шел к нему, – серая крыша серого дома «Серого Волшебника».

Жил ли в этом доме когда-нибудь «Серый Волшебник» и существуют ли волшебники на самом деле, девочки точно не знали. Дом этот стоял на самом краю городка. С давних времен он пустовал и, как всякий нежилой дом, оброс легендами и служил темой разнообразных пугающих историй – страшилок для подростков и веселых сказок для маленьких детей.

Репутация «волшебности» имела все же некоторые основания. Всякая попытка местных детишек оставить на его стенах надпись или рисунок заканчивалась ничем. Краска, попав на его поверхность, уже назавтра тускнела, а через два – три дня уже и вовсе была не видна, совершенно сливаясь с серым, безрадостным фоном его стен.

Пыль, пока она считала себя начинающим художником, такая особенность стен загадочного дома некоторое время даже радовала, поскольку не надо было тратить бумагу. Однако по мере обретения мастерства она стала нуждаться в сторонних оценках своего художественного таланта, и столь краткий срок сохранности произведений перестал ее устра-

ивать.

И вот сегодня, проходя мимо дома «Серого Волшебника», она с грустью посмотрела на серые стены и глубокомысленно изрекла:

– Моя гениальность должна отразиться в вечности, а все пропадает на следующий день!

– Совершенно с тобой согласна, Пыль! Рисуй на песке! – съязвила Эль.

– Это ты читай свои стихи, нырнув в море!

– О-о-о-о! Как остроумно! – Эль продолжила издеваться над сестрой.

– Да что ты говоришь? Рыбы так и охарактеризовали твоё творчество? – лениво парировала та.

Девчонки засмеялись и продолжили свой путь домой.

Вот, наконец, показались крыши остальных домов(самых разнообразных форм и цветов), а потом и сами дома центральной улицы, которая была выложена разноцветной брусчаткой.

Дом сестер находился чуть дальше – там, где виднелся большой холм. Чтобы добраться до него, надо было пройти главную улицу с палисадниками, разбитыми во дворах, на балкончиках и даже на некоторых крышах.

Родители девчонок предпочли поселиться на окраине города и, как некоторые их знакомые, построили свое жилище прямо в толще скалистого холма, поросшего соснами и можжевельником.

Поначалу их жильё особых изысков не имело.

Огромная столовая (служившая и гостинной и кухней) и небольшая родительская спальня – вот все, что им было нужно. После того как девочки подросли, папа устроил им сначала одну, а потом и две комнаты, хотя сестренки до сих пор предпочитали спать в одной из них – в той, которую папа в эстетическом порыве украсил оплавленной керамикой, «пыхнув» от души на стены, предварительно перейдя в третью, боевую конфигурацию. Мама просила еще и отдельное помещение для кухни, но папа считал это излишним.

Время близилось к обеду, и девчонки прибавили шагу. Очень уж хотелось есть.

Глава 4

Девчонки добрались до дома.

Мамы дома не было, а папа, рассеянно слушая рассказ об их маленьком путешествии, в том месте, где они начали рассказывать о Поньйи, вдруг озадаченно нахмурился и стал жадно и очень заинтересованно слушать, проявив явный интерес к этой части их повествования. Он покусывал нижнюю губу, периодически прерывал рассказ девчонок нечленораздельными восклицаниями, скреб в затылке и невпопад восклицал: «Да ну! Вот как!»

В конце концов он и вовсе удивил их, послав Пыль в ее комнату за мелками и бумагой и потребовав нарисовать этих самых Поньйи.

Пыль нарисовала жожака(надо заметить, что довольно талантливо). Гуннбьорн(а именно так звали их папу) внимательно рассмотрел рисунок и... потребовал нарисовать еще парочку Поньйи.

– Ну па-а-а-а!

Пыли явно было не до творчества.

– Па-а-а, они все так и выглядели! Зачем еще-то? Есть охота, а ты со своими Поньйи пристал!

– Не ленись, Пыль! Успеете набить вашу ненасытную утробу!

Пыль сдалась и быстренько нарисовала еще пару «лоша-

док».

– А пятнышки? Пыль!

Пыль вздохнула и опять проныла:

– Ну па-а-а!

– Пятнышки, Пыль! И как можно точнее! – настаивал па-па.

– Вот тут, тут и вот здесь. Огромное такое синее пятнище!

Гунн нахмурился:

– Пятнище у всех Поньйи в этом месте?

– В этом, па, в этом. Оно на седло похоже. Будто на этих малявок кто-то может усесться верхом.

Говоря это, она довольно ловко обозначила контуры пятна и, быстренько заштриховав мелкими, растушевала штриховку пальцами.

– Во!

Гунн взял листы, пристально посмотрел на изображения, словно сравнивая их между собой, и пробормотал:

– Будто кто-то может усесться...

Он задумчиво ладонью по рисунку:

– Эль? – Гуннбьорн обратился ко второй дочке.

– А я-то что? Ты же знаешь, что я не художник. Это Пыль у нас художник, а я скорее мастер художественного слова...

– Ха! Ха! Ха! – отрывисто и издевательски произнесла

Пыль.

– Не «ха», а мастер!

– Стоп, крошки! Не сейчас! – прервал привычную свару

дочерей Гунн. Не сейчас, Эль. Сейчас ты должна сосредоточиться и ответить на мой простой вопрос.

– Ну и что за вопрос?

– Эль, пятна действительно были там, где их нарисовала

Пыль?

– Вроде как.

– Вроде?

– Ну-у-у-у... Да... Я еще тоже подумала, что похоже на седло.

– На седло, говоришь? – Гунн еще раз внимательно посмотрел на рисунок.

Эль на секунду задумалась и уже более уверенно подтвердила:

– Угу, все так и было с этими пятнами. Да что случилось-то, пап?

– Не случилось, а случится, – ответил Гунн, а потом-пробормотал едва слышно: – Чтоб такое своенравное и гордое создание, как Поньйи... Хотя эти пятна...

– Па? – Пыль робко попыталась прервать бессвязные рассуждения Гунна.

Гунн задумчиво смотрел перед собой и, казалось, не обращал внимания на беспокойство дочерей.

Эль рывкнула:

– Пап!

– А?

– Что случится-то?

Вместо ответа Гунн забормотал.

– Луна скоро полная, Марс в Водолее, или нет? Или Водолей в Марсе? Или это не важно, что в чем... Никогда не мог разобраться в астрологии. Что за наука такая? Ладно, что там Поньйи?

– Хихикали, Пап, – хором ответили двойняшки.

– А вот это уже кое-что... – пробормотал Гуннбьёрн.

– Ага! Я же говорила! – Эль победно посмотрела на Пыль.

– Ну-ка? Что ты там говорила? – Гунн внезапно заинтересовался восклицанием дочери.

– Что Поньйи хихикают перед полнолунием.

Гунн засмеялся:

– Ну ты и болтушка. Что за сказки!

– Хи, хи, хи, – мстительно прогнусавила Пыль.

Но тут Гунн неожиданно произнес:

– Не такое уж и «хи, хи, хи», но к полной луне это не имеет прямого отношения.

– В каком смысле? А к чему имеет?

Гунн задумался на секунду, а потом, посмотрев на дочерей, спросил:

– Вы были в человеческом облике? В конфигурации Хомо Сапиенс?

– Ну да... – ответила Пыль.

– А почему ты спросил? – тут же заинтересовалась Эль.

– Думаю, что это имеет значение... – снова, будто не обратив внимания на вопрос дочери, пробормотал Гуннбьёрн.

– Па-а-а?

– Ну?

– Так что случилось или случится?

– Одно из двух...

– Пап! – уже нетерпеливо рявкнула Эль.

– Либо великая радость, либо еще что-нибудь, – ответил тот.

– Ах как ты все здорово разъяснил, пап! – издевательски прогнусавила Пыль.

– Да не знаю я, девочки! Честно! Могу только сказать, что радость случится у всех, а что-нибудь – только на запретных берегах, но коснется каждого!

– Ну теперь ВСЕ понятно, – еще более издевательски заметила Эль.

– Ладно, девочки... Забудьте пока. В любом случае это еще не случилось, и пока волноваться не о чем.

– Я так поняла, что разговор закончен? – спросила Пыль.

Вместо ответа Гунн взял со стола рисунки с Поньйи, аккуратно сложил в сумку и уже совсем будничным тоном произнес:

– Девчонки, вы перекусите, а я, пожалуй, пойду на берег. Надо проверить наш кораблик, да и крылья размять не мешает. И вообще, позагорать захотелось. Пока!

– Пока, пап! Ты не волнуйся, мы перекусим, но совсем немного, а потом навестим ББД. Будем вечером или завтра утром.

– Договорились! Можете просто чаю попить. Знаю я Лунгвайта и его гостепреимство. Смотрите не лопните! Я не хочу так глупо потерять своих милых крошек! Да! Привет передавайте от меня и от мамы!

Папа вышел за дверь. Эль вздохнула и равнодушно бросила ему вслед:

– Обманщик...

– Почему?

– Видела, как он засуетился после нашего рассказа о Поньйи? Рисунки эти, распросы. Толи счастье, толи что-то. Толи луна, толи нет. Хихикали или нет... – возмутилась Эль.

– Ну так. После их появления на нашем берегу он только о них и думает!

– Ну их ведь никто и не видел раньше у нас. Они же со второго берега. С берега Эльфов. Папа их только там и видел. – Эль покосилась на рисунок Пыли.

– Ага, даже на первый берег, к Троллям своим ненаглядным, уже неделю не плавал!

– Увлекающаяся натура... То Тролли, то Поньйи с Эльфами.

– Тролли очень забавные. Тут я его понимаю. Жаль, что их невозможно нарисовать. Удивительно ускользающая из памяти внешность, – посетовала Пыль.

– Это точно, – вздохнула Эль. – Вроде смотришь на Тролля – все нормально, а стоит отвернуться – ни словечка в голову не приходит, чтоб его описать.

– Это у них особенность такая. Папа говорит, что это инстинкт самосохранения.

– Ага. Они очень изменчивы.

– Ну да – непостоянны.

– Ага. Как наш папа, – вернулась к обсуждению отца Эль.

– Да. Непостоянство – и его второе имя.

– Ага. Только маме не говори.

– Ха! Он маму любит.

– Он – мужчина.

– И?

– Все мужчины дураки и не ценят своего счастья.

– Все, кроме нашего папы!

– И ББД.

– И некоторых мальчиков!

– Это каких? – Пыль хитро посмотрела на сестренку.

– Не важно!

– Не важно, так не важно, – великодушно согласилась

Пыль. – Могу лишь предположить, что некоторые из них вырастут, станут мужчинами и окажутся дураками!

– Согласна. Все дураки, кто не сможет оценить нашу неземную красоту.

Девчонки рассмеялись.

– Эль, может, «Минутка безумия»?

– Разомнем мозги, сестренка!

Двойняшки хлопнули друг друга ладошка о ладошку и одновременно крикнули:

– Начали!

Этой незатейливой игре, которую они назвали «Минутка безумия», их научил папа. По его мнению, нормальному ребенку (а он утверждал, что и нормальному взрослому) необходимо время от времени давать возможность расслабить мозги и нести любую чушь на любую тему.

Вчера они втроем этим и занимались, но некоторые темы остались нераскрыты, поскольку их «безумие» было прервано мамой, которая не разделяла взглядов отца на воспитание дочерей и не одобряла «Мозговой рассхлябанности» (как она это называла).

Итак, «минутка безумия», или «Рассхляб мозга» (девочкам очень понравилась характеристика, которую дала мама их развлечению) началась:

– Ну что, единоутробная моя сестра, которую наш достопочтимый папа вчера обозвал **Пылью Великого Ничто?** Пойдем в гости? Пора навестить нашего друга!

– Ага, а то до вечера не доберемся, **Лямбда Щита Спарты.**

– Сестренка, а ты не задумывалась над тем, почему нас так называли?

– Не думаю, что у нас есть изначально полные имена, как у мамы с папой.

– В смысле?

– Мы же родились за пределами «Предела». Поскольку они не надеялись попасть в «Предел», то и называли нас про-

сто Эль и Пыль, а уже потом папа стал выдумывать всякие дополнения, чтобы нас поразвлекать. Ты же понимаешь, что он это не всерьез!

Эль не ответила.

– О чем задумалась, Эль? Чего молчишь?

– Мыслю, Пыль.

– У нас «Рассхляб мозга». Неположено мыслить. Давай версию.

– Нет, не проходит вариант с тем, что они не знали о «Пределе».

– Почему?

– Потому, Пыль, что имена нам дал ББД.

– О, Один, дала же судьба нам папулечку и имянареченца! – Пыль рассмеялась.

– Зато весело!

– Ага! Ну что за Эль-Лямбда? Да еще и щита Спарты!

– Ну это не такое уж безумство. Это еще можно объяснить! Кто-то из предков папы по женской линии жил в Спарте. На щитах спартанцев была нарисована буква «Л», которая по гречески называется «Лямбда». Поэтому папа и выдумал для тебя: «Защитница Спарты».

– Нда... Звучит проще, чем «Пыль Великого Ничто».

– И так же непонятно и абсурдно!

– Ага! Потому что бред! Потому что я не буква, а Бог!

Девчонки опять расхохотались.

– Эль, на самом деле, мама обещала мне рассказать, по-

чему нас так называли.

– А я и так знаю!

– Ну-ну... И почему?

– Ты же у нас, если правильно, «Судьба»?

– Ну да, это папулечка наш меня из «Судьбы» в «Пыль» переделал. Знаю.

– Ну это тоже вполне объяснимо. На одном из человеческих языков (кажется, на английском) Судьба звучит как «Дэстини», а поскольку наш папа столь же ленив, сколь и непредсказуем в своей гениальности, то сократил «Дэстини» до «Дэсти». «Дэсти» очень созвучно «Дасти», что на английском значит пыль. Вот он и стал тебя звать «Пыль»!

– Имячко у меня дурацкое, но довольно забавное. Я против пафоса и предпочитаю быть Пылью. Давай! Начинай уже свою версию возникновения наших имен.

Эль сделала загадочное лицо.

– Давай! Не интригуй, Эль! Мы же безумствуем!

– Дело было так. Четвертый берег за «Пределом». Скалистый Сторе-фиордтолько-только очистился ото льда. Полдень еще не наступил. Палуба «Дракара» пахнет разогретым на весеннем солнце деревом. Представила?

– Ага! Кончай уже подражать «Книге»! Продолжай.

– Отлично! Продолжаю дальше! Мама этим утром решила, что пора рожать, папа против ничего не имел. Появляюсь я! Папа в восторге: «О Боже! Спасибо тебе за дочь!» – и нарекает меня в честь Бога. То есть одним из имен Бога –

«Эль»!

– Ну-ну. Что дальше? – Пыль усмехнулась.

– И тут! – Эль придала голосу трагизма. – И тут появляется еще один младенец! Они, конечно, этого никак не ждали и понимают, что их жизнь навсегда изменилась.

– Чо-о-о-о? – прогнусавила Пыль.

– Не копируй маму! Не «чо», а «что»! Вернее, «Кто»! Появляешься ты! Папа в шоке, мама в истерике! Он понимает всю трагичность положения. Тут одного бы прокормить, а нас двое! Папа утирает скупую мужскую слезу себе, обильные женские слезы маме и произносит: «Крепись, Нельгда! это **Судьбаа-а-а-а**», то есть ты!

– О, Один! Какое же ты трепло! – Пыль расхохоталась.

– Ничего и не трепло! Вот мы и получились, поскольку двойняшки – «**Божественная Судьба**», а если одним словом, то «**Проведение**»!

Пыль захохотала как полоумная.

– Ой, не могу! Я сейчас умру от смеха – ха-ха-ха... У тебя мания величия, Эль! Божественная ты моя! Ха-ха-ха... – продолжала она хохотать.

– Правильно тебя папа переделал в Пыль,! Ты глупая, пустая хохотушка! – Эль сложила руки на груди и тряхнула головой.

– А-а-а-а! Не могу больше! Прекрати! Мы получаемся «Пыль Бога»! Нет, «Пыльный Бог»! О, мы с тобой – «Божественная Пыль»! – как безумная рассмеялась Пыль.

Эль попыталась нахмуриться, потом улыбнулась... и тоже расхохоталась...

«Минутка безумия» была окончена, мозги очищены и готовы к логическому мышлению.

– Ну, что? Пошли? – все еще улыбаясь, предложила Эль.

– Да, пора. Если мы продолжим «Минутку безумия», то она грозит перерасти в длительное, многочасовое сумасшествие, – ответила Пыль.

Глава 5

– Эль, а Эль... Давай отдохнем, а?

Ягодок покушаем. Ла-а-апки уста-а-а-ли... – захныкала

Пыль.

– Не нуди, Пыль! Ведь только вышли. И потом, мы итак почти с полной левитацией идем. Знай только ноги переставляй. Осталось идти-то всего – ничего.

Действительно, тропинка, замысловато петляющая между толстых сосновых стволов, неожиданно оборвалась. Лес закончился.

– Ну? И стоило так самозабвенно страдать, милая Пыль? Вот мы и на опушке. Посмотри, какая красота. Ты ведь у нас художник! Набирайся впечатлений.

Пыль остановилась, смахнула с вспотевшего лба прилипшую паутинку и ворчливо пробормотала:

– Можно было и долететь. Что за глупая идея ходить пешком, когда есть возможность конфигурировать крылья.

Эль только хмыкнула в ответ, а Пыль, оглядевшись, добавила:

– Но ты права. Очень милое местечко!

Девчонки подошли к «Моховой поляне». Мох обрамлял огромные черные камни и полностью покрывал те, что поменьше. Издали казалось, что это гигантская тарелка с манной кашей (с комочками и изюмом).

Двойняшки шли по мягкому бело-голубому ковру ягеля, приятно пружинящему под ногами. Мох был хрупок и сух, и топтать его было очень жалко (в горах все растет медленно, а погубить все это можно мгновенно и очень легко).

Именно поэтому девчонки пошли в почти полной левитации.

В отличие от всех других конфигураций (или трансформаций), неполная леви-конфигурация, представляла собой некоторое уменьшение гравитации, однако без «воспарения» (что являлось полной левитацией) и видимых физических изменений (типа крыльев, чешуи или каких-либо других признаков, характерных для второй и третьей конфигураций). Левитация, однако, была почти полной, поскольку даже попадавшие под ноги грибы (разноцветные поганки, крепенькие, желтые маслята и огромные подосиновики) оставались целехонькими. И только дождевики «взрывались» под их ногами, как маленькие вулканчики.

Наконец поляна (скорее, поле, поскольку была она очень большой) закончилась и сестренки начали подниматься сначала по довольно пологому, а потом становившемуся все круче и скалистее склону Горы. На высоте альпийских лугов уже начал попадаться первый на их пути, он же последний в этом сезоне, но все еще оставшийся в распадках, сильно подтаявший снег.

– А вот и «Плато звенящей тишины», – тихо, словно боясь спугнуть эту самую тишину, сказала Эль.

Перед девочками открылось широкое пространство, усыпанное первыми, уже почувствовавшими приближающееся лето, цветами. Вдоль русла ручейка еще лежали остатки снега и льда. Тишина здесь, если не считать журчания воды, перекатывающейся по камешкам, действительно была идеальной. Со всех сторон нависали скалы, которые не пропускали ни звука извне.

– Да-а-а-а, поэтичное название, – тожепочти шепотом подтвердила Пыль. И добавила: – Тишина такая, что в ушах звенит. Красота-то какая. Посмотри, какой чудной «снеголед»...

Снег, и вправду, был необычным. Собственно, это и была смесь из снега со льдом. Льдинки в каком-то причудливом рисунке перекрещивались под разнообразными углами меж собою, как россыпь разнокалиберных, разбитых вдребезги стекол.

– Хоть раз бы попасть сюда в солнечный день, – Эль с сожалением подняла глаза к небу.

Словно в ответ на ее пожелание, тучка, упорно заслоняющая солнце, смилостивилась и «убежала». Яркие лучи осветили плато, и тут...

Все эти кристаллы, большие и маленькие, весь этот невообразимый хаос снежно-ледяного великолепия вспыхнули мириадами огней. Казалось, и цветов-то таких не существует!

– Ох, – выдохнула Пыль. – Как здесь прекрасно! Даже за-

плакать захотелось или засмеяться!

– Определись уже! Реветь или хохотать, восторженная ты наша, – хмыкнула Эль.

– Не строй из себя...

Однако Эль ее уже не слушала. Она, как и сестра, застыла в оцепенении, а потом вдруг воскликнула:

– Пыль! Что это? Слышишь? Ты это слышишь?

Все эти несчетные льдинки, подпирающие друг друга, начали подтаивать на ярком солнце и... опадать, трескаться, биться. Сначала справа, потом слева, снизу, сверху... Один колокольчик, еще один...десять, миллион! Все плато наполнилось волшебным звоном!

– Эль, Эль, это никакая не поэзия, никакая это не звенящая ТИШИНА! Это, Это ЗВЕНЯЩАЯ ТИШИНА!!!!

– Ой, я тоже ...Я тоже сейчас! Я тоже сейчас засмехоплачу-у-у-у-у, – воскликнула Эль.

И она засмеялась, а за ней засмеялась и Пыль. Они восторженно хохотали от этой неожиданной красоты. Редко люди так смеются. Это было обычное счастье. Счастье от того, что ты просто есть. И есть все это. И тебе повезло это увидеть и услышать.

Солнце вскоре спряталось за очередной тучкой, звон начал стихать, и вот последний колокольчик «тренькнул». Звук несколько раз отразился от скал, постепенно затихая. И снова наступила тишина. Потихоньку смолк и их смех. Эль повернулась к Пыли, протянула к ней руки, зажала в ладони

румяные, мокрые от слез восторга (она все ж еще и заплакала...) щеки сестренки с прилипшими к ним волосами и чмокнула ее в нос.

– Пойдем, мой сопливый друг... Солнце уже к закату пошло.

Пыль улыбнулась, шмыгнула носом, потом ладошкой потерла нос сестренке, пробормотав:

– Все ж ты у меня милая бываешь. И... У самой-то глаза мокрые...

– Ну да, мокрые. Это все переходный возраст. У нас ранимость повышена.

Глава 6

Солнце уже висело на кончике «Тупого Копья» – самого высокого пика Гор, который еще совсем недавно (с легкой руки ББД) стали называть «Турнирным Копьем» или еще более поэтично – «Копьем Истины».

Действительно, другого названия у этого пика не могло и быть. «Копье» – вот какое слово всплывало в мыслях при виде этой горы.

Основание, длинное толстое древко, переходило в утолщение – гарду (практически идеальный треугольник), далее гора (посередине) возвращалась к размерам основания – древка, которое заканчивалась (уже за облаками, часто его заслоняющими) черным наконечником со срезанной вершиной. Форма горы была столь необычна, что казалась искусственно вырезанной из цельного куска гранита.

Типичное турнирное копьё. Белое заснеженное копьё, с тупым антрацитово-черным наконечником.

Треугольная тень со срезанной вершиной накрыла последний отрезок пути сестренки.

– Вы заметили, леди, что «Тупое Копье», чаще зовущееся нашим другом ББД «Копьем Истины», «уронило» свою тень! – очень знакомо и явно кого-то передразнивая, вычурно изрекла Эль.

– О, да, я чувствую тень «Истины» на своем челе! – при-

вычно поддержала Пыль.

– Б-р-р-р-р, – Эль поежилась.

– Ага, холодновато...

– Пора.

– Несомненно.

Не сговариваясь, девчонки начали принимать «походную» конфигурацию.

Вообще «походная» конфигурация не занимала много времени, если была привычной. Места были знакомыми, и поэтому и Пыль и Эль сделали это быстро. Они прекрасно знали, к чему готовиться, кого и чего надо опасаться.

Их волосы заметно потяжелели, и даже отдельные пряди не шевелились от дуновения ветра. Внешние уголки глаз Пыли «поползли» к вискам так, что глаза ее стали по-кошачьи хищными, это впечатление усиливалось еще и тем, что зрачок стал вертикальным (и острота зрения увеличилась, и темнота не помеха). Получились чистые, глубокие, голубые и немножко... пугающе-неживые глаза.

Эль не меняла объема глаз, а «трансформнула» кварцевую защиту. Защита имела вид двух круглых окуляров, «разбитых» на множество многоугольников, что делало ее не только похожей на стрекозу, но и давало столь же блестящий обзор, как у этого существа. Кожу обеих девочек сменила жесткая, тяжело блестящая чешуя – удивительно подвижная и удивительно прочная, а ключицы, плечи, колени и локти закрылись полупрозрачными щитками.

В общих чертах все. Это была легкая «походная» конфигурация, с которой справится и третьеклассник. Сделали девочки это с несколькими эстетическими вольностями, но о вкусах не спорят.

Видимо, Пыль чувствовала себя в таком «наряде» неотразимой. Она повернулась к сестренке боком, выгнулась по-кошачьи, подперла подбородок ладошками и, промурлыкала:

- Ну как я тебе?
- О, ты «милаш».
- Аналогичный комплимент и вам, красавица.
- Не переборщили с защитой?
- Не думаю... От «него» только и жди сюрпризов.
- Тогда вперед?
- Вперед!

Глава 7

Конечно, девочки не надеялись предугадать сюрприз от ББД. И сюрприз никогда не заставлял себя ждать. Этим самым сюрпризом от ББД могло быть что угодно. Лавина, камнепад, замаскированная расселина во льду и прочие напасти и тому подобные неожиданности. На этот раз сюрпризом оказалось его отсутствие. Так что до места они добрались без приключений.

Входная Шкура отодвинулась в сторонку, как только они подошли ко входу в пещеру ББД. Коридор был довольно ярко освещен. Он Мил лежал у камина. Он не тьякнул, не рыкнул и даже не шевельнул хвостом. Только отблеск пламени отразился в его на мгновение приоткрывшихся черных глазках. Отразился и тут же погас. Мил сладко спал.

То, что ББД их не встретил еще на подходе к дому, удивило девчонок. Пыль даже подумала, что он (что казалось невероятным) не догадывался, что они идут.

Впрочем, поведение ББД опровергло ее подозрения.

Сидящий за столом Лунгвайт был занят. Однако не настолько, чтоб проявить неучтивость или выразить удивление по поводу прихода девочек. Не поворачивая головы, он сказал:

– Ваш друг, Большой Белый Дракон, в вашем распоряжении, но не ранее, чем вы отведаете моего чудесного варева,

аромат которого вы, несомненно, почувствовали, едва переступив порог этого гостеприимного дома!

Эль и Пыль открыли рты, чтобы ответить на приветствие, но ББД продолжил:

– Настоятельно рекомендую обратить внимание на нашего друга Он Мила. Прошу расценивать его неподвижное тельце, погруженное в нирвану послеобеденной релаксации, как иллюстрацию вкусовых достоинств этого блюда. Думаю, что времени, затраченного вами на мытье рук(я на этом настаиваю), на дегустацию и последующее поглощение в пугающем количестве (в этом нет никакого сомнения, судя по вашему истощенному виду и пройденному пути) этой божественной пищи (неоспоримая истина)...

Эль зевнула, а Пыль глубоко вздохнула. ББД, не заметив этого, продолжал «вещать»:

– Так вот, этого времени мне вполне хватит, чтоб поспеть к десерту (который, безусловно, будет) и присоединиться к вам, дабы посвятить этот чудесный вечер взаимно приятному общению.

Закончив этот витиеватый словесный пассаж, Большой Белый Дракон гордо посмотрел на девчонок (мол, каково?), набрал воздуха, намереваясь что-то добавить, но, наконец поняв, что впечатление – «не так чтоб» и он слегка, переборщил с длительностью приветствия, уже сухо бросил:

– Привет, девчонки. Рад видеть. Дико некогда. Ну-у-у-у, вы поняли. А коли поняли, то накройте на стол, снимите ко-

тел с крючка и начинайте перекусывать, а я очень скоро присоединюсь к вам.

Девчонки предпочли не спорить и действовать именно в том порядке, в котором ББД его обозначил. К привычке ББД выражаться излишне витиевато они давно привыкли и даже находили это забавным.

Детям иногда нравится подмечать явные недостатки взрослых и великодушно их прощать.

Эль подошла к комоду, привычно выдвинула ящичек со столовыми приборами и взяла три ножа и три вилки. Чуть помедлив и задумчиво почесав в затылке, она звонко хлопнула ладошкой себя по лбу и достала еще три комплекта для десерта, добавив три ложки. Пыль, порывшись в том же комоде, вытащила парадную скатерть, а из посудного ящика достала три глубоких миски и понесла все это на стол.

Оба конца стола тянулись вправо и влево, насколько хватало глаз, и в конце концов терялись за границей света, исходящего от множества факелов.

Факелы крепились к мощным бронзовым подставкам-светильникам. Ни один из светильников не повторял форму другого. Некоторые имели вид причудливо сплетенных ветвей и корней. Другие больше походили на огромные стволы деревьев, а иные на человеческие руки или птичьи лапы.

Постелив скатерть на стол, там, где стояло четыре стула, и водрузив на нее все, что им казалось нужным, девчонки на-

конец уселись и, одинаково подперев кулачками подбородки, посмотрели на Он Мила.

Через секунду на один из стульев вспрыгнул маленький нечесаный пес и замахал хвостиком. Он поочередно поглядывал на сестренку, при этом смешно поднимая то правое, то левое ушко.

– О, смотри, недолго «оно» было погружено в «нирвану релаксации»! Слюни до полу! – рассмеялась Пыль.

– Вот «жрун»! – подтвердила Эль.

Пес (еще ББД называл этого зверька собакой) вытянул лапы вперед, на лапы положил мордашу (очень милую и выразительную) и уставился на девочек, продолжая переводить черные глазки то на Эль, то на Пыль, то на ББД. При взгляде на ББД он начинал вилять хвостом и нетерпеливо-ворчливо рычать.

Во время первого знакомства двойняшек с Он Милом на вопрос Эль, так что это, собака или пес, ББД сказал, что это одно и то же.

Это забавное создание появилось у Лунгвайта совсем недавно, после очередной его отлучки за предел «Предела».

Начинать ужин без хозяина сестренки не хотели. Ожидание затянулось. Несмотря на «призывы» Он Мила, ББД не торопился присоединиться к трапезе. Эль начала крутить головой по сторонам.

Жилище ББД было на редкость необычным. Там было на что посмотреть и чему удивиться.

Вход в пещеру был небольшой (высотой не более, чем в два человеческих роста), едва заметной расщелиной у подножья отвесной скалы. От входа, дверь которому заменяла исполинских размеров шкура, тянулся небольшой коридор. Его гранитные стены, казалось, излучали свет. Это в многочисленных вкраплениях слюды и кварца отражался огонь факелов, висящих высоко над головой. Пройдя по коридору, входящий оказывался в огромной пещере. Была она настолько большой, что вовсе не казалась помещением. Видна была только стена у выхода из коридора, но и ее края терялись в чернильной темноте.

В круге света, льющегося от огромного камина и светильников, параллельно стене стоял «пиршественный» стол. Иногда ББД называл его «Круглым», что, по мнению девочек, было лишено каких-либо оснований, поскольку (как уже было отмечено) края его уходили вправо и влево, насколько хватало глаз, и решительно не имели никакой хоть малозаметной кривизны и округлости. Обойти стол по причине его бесконечности не было никакой возможности, так что, если гость хотел усесться напротив хозяина, то ему (слегка униженно) приходилось пролезать снизу. Удивительным было и то, что у этого массивного и бесконечного предмета мебели, сделанного из тысячелетнего дуба, не было ножек. Казалось, что эта громадина парит над полом.

У дубового стола стояли дубовые же стулья (всегда в количестве трапезничающих гостей, пусть на первый взгляд и

нежданных).

Сидящий спиной к камину видел огромные колонны, представляющие собой сросшиеся сталактиты и сталагмиты. То есть колонны были сталагнатами. Только по этому признаку можно было догадаться, что у пещеры есть потолок и пещере много тысяч лет.

За ближайшими колоннами, чуть пугая своим зеленоватым свечением, находился уютный бассейн, вырубленный в полу. От неподвижной поверхности его чаши медленно поднимались многочисленные струйки пара. Вода в бассейн, судя по едва уловимому серному запаху, поднималась из горячих подземных источников и всегда была теплой.

Кроме стола и стульев, в пещере из видимых предметов мебели были: письменный стол, посудный шкаф, уютный кожаный диван и столик у камина с тремя креслами. Рядом с посудным шкафом стоял внушительных размеров сундук, в котором хранилось постельное белье. К сундуку было приклонено несколько деревянных раскладушек на случай поздних гостей и их незапланированной ночевки. Камин, о котором мы уже упоминали, горел всегда.

В большой бронзовой подставке рядом с очагом стояла бронзовые же кочерга, щипцы и совок. На решетке для барбекю лежало несколько настоящих рыцарских клинков с серебряными и золотыми рукоятями. Лезвия грозного оружия были закопченными и давно нечищеными, ибо хозяин и гости пользовались ими как шампурами, жаря на их острие то

мясо, то кусочки лепешек.

Самым удивительным предметом (существом?) была, однако, входная шкура. Собственно, не шкура, а Шкура. Почему ББД так ее называл, никто не знал, а на вопросы лишь рассеянно пожимал плечами и обещал рассказать чуть позже.

Ну что же. Позже – так позже...

Именно со Шкуры начиналась странность дома ББД. Шкура (по всей видимости) была... живой, ибо отсутствие ручки, замков, засовов и т. д. с лихвой заменялось ее способностью открываться перед хозяином (всегда) и гостями (не всегда). Несмотря на то что Шкура внешне была похожа на шкуру, при прикосновении к ней можно было убедиться, что она скорее каменная, нежели какая-либо другая. При всем при этом она была необычайно гибкой, подвижной и мягкой, что кажется довольно странным, если иметь ввиду то, что она была (как мы только что заметили) явно каменной...

Шкура умела различать рост и габариты посетителя, откидывая один из своих краев ровно настолько, чтобы посетитель мог пройти. Замешкавшегося она ласково, но настойчиво и довольно ощутимо подталкивала (зимой она делала это особенно нетерпеливо), после чего плотно закрывала вход. Если она принимала решение не пускать гостя, то пройти было невозможно. Особо настойчивых она пугала утробным ворчанием и угрожающе щетинилась. Шкура явно понимала все, что ей говорили, но за все время, которое девчонки ее

знали, она не издала не единого членораздельного звука.

Вопрос «живая – не живая» вызывал горячие споры и обсуждения у девочек. В конце концов они сошлись на том, что она наделена разумом, имеет все признаки живого существа, но частично... (ибо, как они полагали, Шкура была шкурой, как ее и называл ББД).

Впрочем, и тут были вопросы, ибо ББД имел привычку давать вещам имена, которые (по его мнению) соответствовали или своему внешнему виду, или сути, или функциям. Не всегда эти названия совпадали с привычными названиями похожих предметов или лежащими на поверхности признаками. Как выяснилось много позже, Шкура была не именем и не названием вещи, а... обзывательством, которое вырвалось из уст ББД в давно имевшем месте конфликте с этим существом. То есть имело место случайное совпадение внешнего вида (которому ББД никогда не доверял) и оценкой склочного характера этого странного создания.

Тут стоит заметить, что и имя «Он Мил» появилось по этому же принципу, правда, озвучил его в первый раз не ББД.

Глава 8

История Мила, или (если быть точным и проявить уважение к полному имени этого милого существа) «Как же Он Мила» была коротка (как и его коротенькая щенячья жизнь), но любопытна. Более того, была она не просто любопытна, а была она связана с **ОЧЕНЬ** интересными и судьбоносными для ББД событиями (**об этом мы узнаем чуть позже**).

В этих местах такие существа не встречались и были диковинкой. И уже это заслуживает внимания.

Итак, в самом конце прошлого лета, когда до начала учебного года оставалось пара десятков дней, девочки были приглашены в гости к ББД.

«Девчонки, жду вас в гости! С вас приятная компания для беседы у камина, а с меня занимательная история», – прочли девочки в записке, переданной ББД через их маму Нельгду. Двойняшки с радостью приняли приглашение.

Стоял конец лета, в горах уже подмораживало. Ну а в этот день там еще и выпал глубокий (почти по колено) пушистый снег и стоял по-зимнему бодрящий морозец. Соскучившиеся по зимним забавам девчонки задержались по дороге. Еще бы! Там, внизу, они утром купались и загорали, а здесь стояла настоящая зима! Двойняшки вдоволь накатались с крутых

склонов на плато «Звенящей Тишины», поиграли в снежки, слепили огромного снеговика с выдающимися формами и лицом, поразительно похожим на лицо их преподавателя естественных наук по имени Брунгильда Ньеж.

«Коньком» этого преподавателя были истории про Троллей и их образ жизни. Да и сама она в обличии человека была похожа на Тролля (нелепой, большой и непредсказуемой), каким и должен, по всеобщему мнению, быть Тролль (хоть их никто из учеников никогда не видел).

Снеговика Эль тут же нарекла «Тролль-Бабена-Снего-Монстр», а Пыль торопливо, но довольно искусно зарисовала получившуюся скульптуру в своем походном блокноте, чтобы позже показать одноклассникам и вместе с ними повеселиться.

Проголодавшись до урчания в животе, они наконец поспешили к ожидающему их ББД, на ходу придумывая причину задержки. Каково же было их удивление, когда Шкура не распахнулась, как всегда, при виде девчонок, чем дала понять, что хозяйина нет. Видимо, в качестве намека на то, что ББД скоро будет, и в качестве извинения за задержку, а скорее всего, из жалости к ним (на улице стоял мороз), шкура чуть переместилась внутрь входа, и из-под полога перед девчонками появилось две огромные дымящиеся кружки с какао и тарелка с горячими бутербродами.

– Вы очень любезны, – сказала Эль.

– Нда, ваша любезность не знает границ, – чуть ядовито

подтвердила Пыль.

– Пыль, лучше не хами ей.

– А чего она? Могла бы и впустить в пещеру. У-у-у, Шкура!..

– Ты что, Пы-ы-ль! Она ведь все слышит. Не надо, она злопамятная...

Тем не менее девочки угощение приняли. Эль взяла тарелку с бутербродами, Пыль кружки с какао, и они направились к неподалеку стоящей беседке перекусить и обсудить неожиданную задержку.

Беседка находилась между заботливо выращенными ББД яблонями, с ветвей которых свисали промерзшие на раннем и нежданном морозе яблоки. Солнечные лучи просвечивали плоды насквозь (просматривались даже косточки). Уютно расположившись в плетеных ротанговых креслах и поставив горячие кружки на покрытый пушистым снегом стол, сестрички начали выдвигать версии такого поведения ББД.

Они немного поспорили о том, кто приготовил бутерброды и горячий какао, если ББД нет дома. Потом обсудили Шкуру (вот уж вечная тема) и почему ББД всегда здороваётся с ней. К единому мнению (как это часто бывало) они так и не пришли.

И вот снег на столе был сплошь покрыт круглыми проталинами от горячих кружек, бутерброды были съедены, как и пара «стеклянных» яблок сорванных с ближайшей ветки. Когда последняя яблочная льдинка растаяла на языке Пыли,

а Эль набрала воздуха, чтоб произнести: «А не пойти ли нам домой?», появился Он.

Эль шумно выдохнула облачко пара, оставив предложение о возвращении домой не высказанным, а Пыль нервно облизнула верхнюю губу, а потом закусила нижнюю.

Появление хозяина действительно было достойно удивления. Лунгвайт был в обычном виде! Нет, сначала девочки подумали, что это одна из походных трансформаций, но как только он подошел ближе, оказалось, что на ББД надет обычный теплый тулуп овчиной наружу, что-то похожее на унты и меховая шапка. Шея была обмотана толстым «волосатым» шарфом. Щеки его румянились на морозе, на правой щеке синел так знакомый девочкам шрам, идущий от виска почти до уголка рта. На его левой руке была надета внушительных размеров варежка, а голой правой рукой он поддерживал еще одну варежку, засунутую под расстегнутый на груди тулуп. Удивительным было то, что носить такие вещи было полной бессмыслицей! В походной конфигурации никто не нуждался в столь громоздкой и неудобной одежде!

Самое удивительное, что и Эль и Пыль узнали эту одежду. Она, несомненно, принадлежала их папе (по чудаковатости он вполне мог поспорить с ББД). Зачем эта нелепая одежда была вообще кому-нибудь нужна, девочки решительно не представляли.

ББД широко улыбнулся и сказал:

– Ух! Морозище! Простите, девчонки! Торопился как

мог. Но в этом виде... Так! Пыль, ты сейчас откусишь губу! Нет, ну право! Не стоит этого делать! Эль, дыши глубже! Советую чередовать выдох и вдох! Впочем... Понимаю! Вопросы, вопросы...

А ну, домой! Ну...в смысле...Добро пожаловать!

С этими словами он направился ко входу в дом, где его уже ждала Шкура. ББД поздоровался с ней, пробормотал что-то одобрительное насчет горячего напитка и девчонок. Шкура, казалось, подрагивала от нетерпения и наконец откинувшись пропустила всех внутрь, не преминув тихонько, но ощутимо шлепнуть по попе Пыль (все ж услышала и запомнила нелестный отзыв о ее «любезности»).

ББД прошел в пещеру, не раздеваясь, потом вернулся, снял с себя тулуп, шапку, унты и бросил на пол одну (!) варежку.

– Добро пожаловать! – повторил он и, теперь, уже все вместе, они вошли в пещеру. ББД быстро накрыл маленький столик у камина. Огромный самовар занимал почти все место, на его гладких боках отражалось пламя, ровно и тепло горевшее в очаге. Остальное пространство стола занимали вазочки с варением и корзинка с выпечкой. ББД усадил девочек и уселся сам. Эль, Пыль и хозяин грели руки о кружки. Девочки выжидающе смотрели на ББД, а тот, задрав высоко голову, смотрел куда-то вверх и молчал. От обжигающего кипятка его кружки поднимался пар и исчезал там, куда был направлен его пустой и уставший взгляд. Тут Эль заметила

на шею у ББД странное украшение. Еще бы! Это был коготь дракона, нанизанный на черный кожаный шнурок. Что за чудачество? Зачем это ему понадобилось?

– Прости, пожалуйста, – прервала молчание Эль. – Мне показалось или так и есть? Это ожерелье... ну, у тебя на шее. Это что? Коготь? Твой коготь? – она брезгливо сморщила носик.

– ББД словно очнулся и, повернув голову в сторону девочек, посмотрел сначала на них, затем опустил взгляд на грудь и произнес рассеянно:

– Ах, это?

Он двумя руками снял «украшение», посмотрел на него и усмехнулся. Затем аккуратно развязал узелок, и в его руку скользнуло небольшое серебряное колечко. ББД еще раз усмехнулся, надел колечко на безымянный палец правой руки, а коготь бросил в камин.

Коготь вспыхнул синеватым огнем и, искрясь, сгорел.

– Там много магния... – пробормотал ББД.

– Это я знаю, – озадаченно сказала Эль.

– И все таки... Что это? Зачем? – в свою очередь, спросила

Пыль.

– Зачем? Действительно, зачем? – уже сам себе задал вопрос ББД и замолчал, задумчиво глядя на палец с загадочным колечком.

– ББД? – напомнила Эль о своем присутствии.

– Скажем так, у некоторых народов коготь дракона слу-

жит символом разбитого сердца и неразделенной любви, – усмехнулся ББД.

– Бред какой-то. Нет такого символа! – с жаром сказала Эль.

– Согласен. Нет. Эта печальная мысль только что пришла мне в голову. Извините за излишнюю эмоциональность, девочки, – Лунгвайт виновато улыбнулся.

– А что за колечко? Я его и не заметила сначала. Оно милое.

– Колечко, – ББД опять усмехнулся и продолжил: – А это у некоторых народов служит символом вечной любви и верности. Надевается на палец в присутствии близких людей.

– ББД, а ты не находишь, что эти символы взаимоисключающие? – сказав это, Эль посмотрела на Пыль, как бы ища поддержку.

– Согласна, – поспешила подтвердить Пыль.

ББД посмотрел на Эль и Пыль. Потом посмотрел на колечко и пожал плечами:

– И я согласен. Просто настроение несколько меланхолическое. Не обращайте внимания.

Он замолчал и, уставившись на огонь, отпил кипятку из кружки.

Девочки закончили распросы, ибо поняли, что ББД не расположен продолжать эту тему.

Сделав еще один большой глоток чая, он вытянул ноги к камину и снова уставился перед собой. Эль было подума-

ла, что ББД решил заняться медитацией, но, проследив его взгляд, увидела уже знакомую ей большую меховую варежку, которая лежала у слюдяного, в кованой раме, каминного экрана, предохраняющего прекрасный ковер от искр и излишнего жара. На этом ковре и лежала варежка. Поняв, что вопросы задавать пока не стоит, Эль с любопытством уставилась на нее. Пыль тоже заинтересованно и с опаской наблюдала за этим простым предметом одежды.

Спустя минуту варежка... шевельнулась! Пыль подобрала ноги и вытаращила глаза. И вот из раструба варежки появились маленький хвостик и две задние лапки. За ними последовал толстенький животик, передние лапки и большая лохматая голова. Существо качнулось на маленьких лапках, плюхнулось на попу, повернуло голову и уставилось на наблюдателей парой черных глаз. Неведомое создание перевело взгляд на ББД, зевнуло, а потом сказало: «Гав!»

Пыль и Эль, не сговариваясь, сорвались с места, плюхнулись на коленки, поползли в этом положении к варежке и наперебой заголосили:

– У-У-У-У! Кто это? Что ты такое? Ой, как же он мил! Как он ми-и-и-и-ил!

– Смотри, смотри! Опять зевнул! У-у-у-у-у!

ББД озадаченно улыбнулся, привычно провел пальцем (вверх-вниз по щеке) вдоль шрама, потом торжественно поднял руку и сказал:

– Поскольку **трое** из дорогих моему сердцу людей произ-

несли это имя, то нарекаю тебя, псина, «**Как же он мил**», можно «**Он Мил**» или «**Мил**».

А потом сказал, обращаясь к сестренкам:

– Познакомьтесь, девочки, это «Как же Он Мил». Если угодно покороче и поблагозвучнее, то «Он Мил», или «Мил». Итак, девочки, это мой друг из-за «Предела» по имени Мил.

Посмотрев на щенка, он опять улыбнулся и, в свою очередь, представил сестер:

– Мил! Это Пыль и Эль! Уверен, что Вы поладите.

Глава 9

Когда страсти чуть улеглись, Пыль спросила:

– А скажи, пожалуйста, почему ты шел через горы в таком странном наряде? Это ведь папино?

– Ну да, я шел домой, а тут заморозок. Да еще какой! Я и заскочил к вашему папе за чем-нибудь теплым.

– Но зачем? А «походная» трансформация?

– Ну это ведь так просто, девочки, – он приподнял бровь в недоумении и продолжил: – Как вам должно быть известно из лекций, которые я вам читаю в рамках школьной программы (а я наивно полагаю, что вы меня внимательно там слушаете), «походная» конфигурация подразумевает полную изоляцию от воздействия внешней среды. Если бы вы немножко подумали, то сделали бы один простой вывод. Вы должны знать, что изоляция подразумевает и обратный эффект! А именно: среда тоже изолирована от трансформируемого, и любой объект, как бы он ни был близок к вам в состоянии изоляции, не может ощущать вас. И... Ну же, девочки! И-и-и-и-и? Как с вами сложно! Итак, вводные: дорога дальняя, на улице мороз, со мной беззащитное существо!

Эль и Пыль непонимающе моргали глазами:

– Ну как же так, девочки? У вас нет догадок?

Двойняшки молчали и ББД продолжил:

– Как сохранить это самое «беззащитное существо» и не

дать ему замерзнуть, исходя из того, что среды взаимно изолированы? Подсказка – термос! Можно ли согреть руки о термос с горячим чаем?

– А, понятно... – сказала Эль.

– Ясно, – сказала Пыль. – Все вытекает из того, что облик трансформирующегося, как таковой, вовсе не костюм, а часть трансформирующегося...

– Именно! – радостно воскликнул ББД. – Поскольку наш объект является в сущности ребенком и его терморегуляция еще не совершенна, то даже теплая рукавица без дополнительного тепла... Идем далее... Казалось бы, что... Но, несмотря на это... Однако... и т. д. и т. п.

Дальнейшие объяснения все более и более углублялись в скучные подробности, а голос лектора становился все монотоннее... Девчонки уже почти не слушали учителя, а опять принялись тискать и трепать забавное существо, и только Эль на секунду задумалась над странной фразой, произнесенной Лунгвайтом в момент знакомства с Милом: **«Трое из дорогих моему сердцу людей...»**

«Я, Пыль... И?... А кто третий?» – подумала Эль, но тут же забыла об этом, и все ее внимание поглотил маленький веселый зверек.

Позже и при весьма странных обстоятельствах она вспомнит этот момент и тот вопрос, что возник у нее: **«КТО ТРЕТИЙ»...**

Глава 10 (или продолжение главы 7)

Да, это продолжение главы 7, где мы вернемся в тот момент, когда девочки пытаются выяснить причины странного поведения ББД на «Морепаде».

Наконец ББД закончил свои дела и окинул взглядом письменный стол. Сладко потянувшись, он аккуратно сложил бумаги, которые были исперещены формулами и вычислениями, а сверху положил увесистый пресс-папье, имеющее форму шакалей головы. Потом, привередливо осмотрев кончик пера, положил ручку на стол. Окинув взглядом рабочее место, потянулся к стопке бумаги и выровнял ее по кромке стола. Видимо, удовлетворившись, он решительно встал и произнес:

– Так я и думал! Но проверить был обязан! Думаю, что мой труд должен быть вознагражден хорошим ужином! Девочки, спасибо за ваше терпение, которое тоже должно быть вознаграждено! Я готов разделить этот ужин с вами и с удовольствием отвечу на ваши вопросы, которые несомненно должны были возникнуть после нашей краткой утренней встречи на «Морепаде», но чуть позже.

Чуть позже, за чаем, бублик выпал из руки Пыли, уда-

рился о стол, отскочил от него и быстро покатился по полу, вихляя и выписывая восьмерки. ББД молниеносным движением руки подхватил один из клинков, лежащих на каминной решетке, сделал изящный выпад в сторону беглеца, поддел его и резко вскинул руку вверх. Бублик завертелся волчком в воздухе, однако был снова поддет кончиком оружия, после чего изящно (вместе с оружием)был передан хозяйке.

– Ваш беглец, леди.

Эль восхищенно захлопала в ладоши, а Пыль, приняв оружие от ББД, благодарно кивнула головой и, подыгрывая хозяину, изрекла:

– Мистер бублик, ваша жалкая попытка побега не увенчалась успехом. Твердая рука нашего друга и благородная сталь этого клинка закончили ваш короткий жизненный путь, и теперь... Примите же свою судьбу достойно вашего уважаемого рода!

Тут Пыль сделала «страшное» лицо и произнесла хриплым голосом:

– Я чувствую вашу дрожь! Так горите в АДУ, жалкий трус!

...И бублик отправился на кончике клинка в камин.

Эль хохотнула, тоже схватила бублик и длинный кинжал, насадила его на кончик оружия и выдала замысловатую импровизацию от лица хлебобулочного изделия:

– Эй! Бублик!

Друг! Постой!

Пойду и я в ЧИСТИЛИЩЕ с тобой!

Дабы Геенной огненной очищен...

Я б смог предстать пред юной Госпожой!

О Эль! О Нимфа!

Я навеки...твой!

ББД зашелся в хохоте. Ничего не понимающий Мил истерично залаял, бросаясь поочередно то к хозяину, то к Эль и Пыли. Наконец все успокоились, и ББД произнес:

– Блестяще, девчонки! Я словно в театре побывал!

Огонь уютно потрескивал и жадно слизывал кору со свежих поленьев, которые ББД щедрой рукой подбросил в вечно голодную глотку камина. Хозяин подцепил щипцами парочку дымящих, почти прогоревших угольков с мраморного пола и отправил их к более дисциплинированным собратьям. Потом поправил экран, вернулся в кресло и шумно отхлебнул душистого, дымящегося напитка. Затем, плотно зажав кружку в ладонях, повернул голову к девочкам и произнес:

– Что заинтересовало вас этим утром и насколько должен быть подробным мой ответ?

Надо отдать должное, ББД прекрасно осознавал свой недостаток – «вязнуть» в подробностях и (как правило) не обижался на то, что это не всем нравится.

Все, кто знал ББД, не испытывали особых угрызений со-

вести и не задавались вопросом: «А вдруг обидится?», а прямо отвечали на этот вопрос.

– В пределах разумного, пожалуйста, – сказала Эль.

– Если нам понадобятся уточнение, то мы зададим наводящие вопросы, – добавила Пыль.

– Вот и славно! Главное – договориться на «берегу» и не превращать общение в пытку для слушателя.

Начнем? – Спросил ББД, посмотрев на девочек.

И сам себе ответил:

– Пожалуй.

И ББД начал свой Рассказ.

– Девочки, сегодня я убедился в том, о чем уже давно догадывался. Предмет моих размышлений...

Тут он взял паузу, поднял палец вверх и торжественно продолжил:

– Трансформация. То есть изменение конфигурации! Да, да! Наша старая, добрая конфигурация. Если более точнее, то фактор страха и его влияние на этот процесс. Что мы знаем о конфигурации? Эль!

– А? А, ну-у-у-у.

Эль, настроившись только слушать, напрочь забыла, что ББД строил свои лекции именно в этой форме. На каждый свой ответ он умудрялся задать по несколько вопросов. Поэтому она немножко растерялась.

Собравшись, она произнесла:

– Три! Две основных и одна промежуточная!

Первая перед вами, те есть Сапи-гурация. Если полнее, то Хомо Сапиенс-конфигурация! Она же – человеческий облик.

С этими словами Эль встала и приняла (как ей казалось)эффектную позу.

Пыль фыркнула, а ББД сказал:

– Прекрасно, остальные демонстрировать не надо. Итак, остальные?

Эль обиженно засопела, и ББД пришлось объясниться:

– Детка, ты прекрасно все объясняешь, а мое замечание преследует лишь цель сэкономить время.

Эль немножко успокоилась, но продолжила уже сухо, как на уроке:

– Вторая – «Походная», или «мими-гурация» («мимикрическая» конфигурация), или (как я ее называю) «притворяшка».

Третья – Драг-гурация (попросту – Дракон), в свою очередь, может быть обычной и боевой.

Вернувшись в кресло, она добавила:

– Основные конфигурации не требуют контроля, то есть стандартны и наиболее комфортны и физиологичны (как вы это любите называть), промежуточная (притворяшка, или «мимикрическая») может меняться по желанию конфигурируемого.

– А что является общим для всех трех? – спросил ББД.

– Все три конфигурации позволяют применять левита-

цию. Да! Следует еще раз уточнить, что третья конфигурация делится на две! Обычная и Боевая. Обе сопровождаются обязательной левитацией.

– Блестяще! – сказал ББД. – Это именно тот объем знаний, который я вам давал на уроках и который вам может понадобиться на сегодняшний день!

Эль гордо посмотрела на Пыль.

Пыль, отличающаяся особенной дотошностью в сравнении с Эль, прищурила глаза и вопросительно произнесла:

– «... который нам может понадобиться на сегодняшний день?»

– Да, с вами надо держать ухо востро, – сказал ББД. – Вопрос этот я пока оставлю без ответа.

– Почему?

ББД деланно-загадочно улыбнулся и произнес:

– Для интриги!

– Ну пожалуйста, ну расскажи... – заныла Пыль.

– Пыль, прекрати, ты ведь понимаешь, что проговориться он не мог... и рано или поздно все расскажет без всяких просьб. Даже если мы... – начала было Эль, но ее перебил ББД:

– Я ведь и сказал: «ПОКА без ответа». Позже я вам все расскажу, а сейчас вернемся к тому вопросу, что вас привел ко мне.

Итак, мы выяснили, что меня интересовал процесс конфигурации, а если более точно, то фактор волнения и его

влияние на наш процесс.

– Пыль, как ты думаешь, какая из конфигураций меня заинтересовала?

Пыль задумалась на мгновение и ответила:

– «Мимикрическая»! То есть Промежуточная. А может, и вот такая, – она ткнула себя пальцем в грудь, – то есть человеческая.

– Логичный вывод! И-и-ии-и снова – в самое яблочко! С самого утра и до нашей встречи у морепеда я пытался измерить время обретения способности левитировать от степени испуга или волнения. Правда, я это все проводил в первой конфигурации, поскольку...

– Испуга? – перебила Эль.

– Чего? Вы и испуг? Вы и волнение? – поддержала сестру

Пыль.

ББД усмехнулся:

– Да, девочки, судя по моим опытам, эти чувства и мне знакомы, ибо чем ближе к точке встречи с поверхностью я находился, тем больше мне требовалось времени на полную левитацию. В панику, конечно, я не впадал, но... факт остается фактом. Максимальная разница составила половину секунды!

– Ха! Полсекунды! – хором произнесли девочки.

– О, мои дорогие! Как вы беспечны! Я пролетел за это время около 25 косых саженьей!

(ББД любил оригинальничать и именно поэтому восполь-

зовался именно этой единицей измерения длины. Слово было узнано им довольно давно. Это было связано с историей его знакомства с матерью Эли и Пыли.)

– Что такое секунда? Маленький «кусочек» времени, короткий, однако, может вместить в себя большие события! – сказал ББД.

– Чушь какая. Это ведь секунда! – возмутилась Эль.

– Я могу чихнуть! – поддержала сестренку Пыль.

– Я могу моргнуть! – добавила, хохотнув, Эль.

– А пущенная Стрела может пролететь около двухсот шагов – закончил ББД.

Девочки притихли....

– Да, девочки, здесь это может быть неважным, но там, за «Пределом»...

Объяснение того, что такое «Предел».

«Предел» (он же «предчетвертый» берег) существовал многие сотни лет, а может, и тысячи. Сотни лет «Трибрежное Море» омывает свои три берега. Сотни лет жители двух из трех берегов жили в мире и согласии. С некоторых пор стал обитаем и третий берег. На нем появились Драконы. Они в этом странном мире были новоселами.

Два других берега долгое время были почти запретны для их народа. Запрет появился довольно давно, с тех самых пор, когда Драконы только пришли из-за предела. Поначалу они предпочитали третью конфигурацию в качестве основной,

то есть выглядели как Драконы. И пусть в конце концов они пришли к решению, что первая конфигурация более удобна для жизни, но старый запрет на посещение чужих берегов не нарушали. Ну а жители двух других берегов всегда были домоседами и встречи с ними были редки, да и те происходили на «предчетвертом» берегу, у подножия «Морепада». Исключение составляли только Тролли. По неизвестным причинам они очень любили появляться на «предчетвертом» берегу. Толи они предпочитали уединение (по слухам, они здесь расслаблялись настолько, что можно было застать их в истинном виде), толи им нравились местные красоты. Скорее всего, первое, поскольку никто так и не смог описать их истинную внешность. Да и бывали у них эта самая «ИСТИННАЯ» внешность, неизвестно.

Четвертый берег иногда называли «предчетвертым», потому что он был не совсем берегом, а пределом, за которым лежал настоящий берег.

«Предел» лежал далеко внизу, там, куда низвергался водопад («Морепад»), и был признан общим берегом. А далее «Предел» заканчивался тем, что все населяющие этот мир существа называли пределом «Предела». За эту границу могли выходить только Драконы. Для остальных это было либо опасно, либо невозможно. Да и не рвался туда никто...

Собственно и среди Драконов таких чудаков, как ББД, было немного. К тем немногим, рвущимся туда, в неизведанное, относились и девчонки. Может, причиной тому были

врожденное любопытство и любознательность, а может, те рассказы, что с раннего детства слушали они от папы, мамы и, конечно, от ББД. Скорее всего, и то и другое.

Так что и из Драконов не все выходили за предел хоть раз за свою жизнь. Аесли и выходили, то из тех, что выходил, были и такие, что не возвращались...

Этот факт и упоминание о скорости стрелы заставили девочек притихнуть.

– Да, там, за «Пределом», секунда может решить многое, – задумчиво почесывая за ухом Он Мила, повторил ББД. А потом продолжил.

– Вы ведь должны знать, что на четвертом берегу есть некоторые ограничения, с которыми Драконы сталкиваются неизбежно. Здесь и в «Пределе» мы вольны принимать любой облик, по своему усмотрению. Но за предел «Предела» мы можем попасть только в одной из конфигураций и там, на четвертом берегу, уже не можем ничего менять. Наиболее приемлемой для себя я считаю первую, то есть человеческую конфигурацию. И вот почему, – он поднял указательный палец и продолжил: – Там, за границей нашего мира, находится другой мир. Он огромен. «Четвертый берег», собственно, и есть этот мир. Это мир множества морей и множества берегов. Раньше весь этот мир принадлежал нам. Весь и безраздельно. Крылья наших предков беспрепятственно разрежали пространства над Югом и Севером, Востоком и Запа-

дом. Именно они, наши предки, нашли и отметили знаками все точки и инициировали все линии, на которых возможна конфигурация. Мир этот и сейчас доступен нам, но не в той мере, что прежде. В незапамятные времена все начало меняться. Материки медленно, но верно сдвигались, а океаны и моря приходили туда, где раньше была суша, равнины вздыбливались к небу высокими горами, пустыни становились лесами. С континентами сдвигались и точки конфигураций. Линии, их соединяющие, были разрушены, а некоторые затоплены. И вот в один (не очень прекрасный) день линии окончательно исчезли или перепутались настолько, что изменение конфигурации стало давать сбои или вовсе стало невозможной. Остались только точки конфигурации, да и то не везде. Первые проблемы начались на берегах прекрасной реки, где жили многие из наших предков. Те, кто на этот момент был в первой и третьей конфигурации, поначалу ничего не заметили, а вот тем, кто был в «мимикрической» конфигурации, не повезло больше всех. Самая большая беда случилась как раз не там, где конфигурация стала невозможной, а там, где она была частично возможной. Это случилось с теми из нас, кто попытался из «мимикрической» конфигурации перейти в основные... «Мимикрическая» конфигурация основана на том, что мы заимствуем некоторые из свойств других созданий, включая и внешние их признаки. Вот вы, девочки, сегодня кое-что заимствовали у кошки и стрекозы. Как вы понимаете, это не единственные свойства,

которые мы умеем заимствовать. Теперь представьте, что вы перестали контролировать наличие и рост этих признаков.

Эль в ужасе зажмурилась...

– Да, да. Именно это и случилось с некоторыми из нас. Любая попытка исправить положение приводила к еще худшим последствиям... Те, кто продолжал попытки, погиб...

Пыль хлопнула носом.

А ББД продолжал:

– Поняв, что надо начинать поиски точек конфигурации заново, наш народ начал реализацию этого проекта. Сотни Драконов в том или ином обличье пошли или полетели во все стороны света. Год за годом, столетие за столетием они находили то, что осталось от точек конфигурации, и строили сооружения, которые могли бы соединить их линиями. Человечество, населяющее планету, становилось все больше и больше, а нас становилось все меньше. В те дикие времена жизнь без смены конфигураций была опасна. Дикие звери, холодные снежные пустыни, ураганные ветра... Объем задачи, которую мы пытались решить, оказался слишком большим, однако мы уверенно двигались к цели. Но, повторяю, нас становилось все меньше... Нам пришлось привлечь людей. Люди ничем не отличаются от нас в нашей первой конфигурации. Именно потому мы и называем ее «Хомо Сапиенс» – конфигурация. Вы ведь знаете, что они называют себя Хомо Сапиенс (человек разумный). Они помогали нам строить линии конфигурации. Некоторых мы просили, некото-

рых заставляли, некоторых обманывали. Да, да. И заставляли и обманывали. На кону была наша жизнь. Например, на берегах реки Етер, в одном из древнейших наших поселений, те из нас, что находились в «мимикрической» конфигурации, создали и возглавили целую цивилизацию. Люди тогда были дики. Да и сейчас они мало изменились. Они боялись буквально всего и были рады в нашем лице найти всемогущих покровителей и защитников. Мы не пытались им внушить, что мы Боги! Они сами себе это внушили и всячески поддерживали свое заблуждение. Ну а потом... Потом, как это часто бывает, они сами поверили в мифы, созданные ими же. Что ж... Мы не стали возражать.

Глава 11

ББД посмотрел на Эль, перевел взгляд на Пыль, громко отхлебнул из чашки.

– Ну, что, девочки? «Книга» или рассказ?

– «Книга!» «Книга!» – почти одновременно вскричали сестренки.

– Ха! Кто бы сомневался! – ББД оперся руками в подлокотники кресла и резко встал. Сделав несколько шагов, он подошел к столу и взял в руки довольно увесистый фолиант.

Эль и Пыль непроизвольно подались вперед и буквально впились глазами в «Книгу»!

О! Это была не просто книга! Это была «Книга»! И дело было вовсе не в тексте, который, по утверждению ББД, был вовсе не главным. И даже не в том, что первая страница была огромным листом, аккуратно сложенным вчетверо, развернув который, можно было увидеть ветвистое генеалогическое дерево и их семьи и почти всего их народа. Дело было в «Ключах» памяти.

Идея «Книги» принадлежала ББД и Гуннбьорну (папе Эли и Пыли). Они долго и с переменным успехом пытались создать тексты, помогающие изучить историю Драконов.

Некоторые тексты работали безукоризненно, а некоторые никак не давали нужного эффекта. В конце концов в «Книге» появились **«Ключи»**.

Однако появились они не благодаря Гуннбьорну с ББД, а благодаря их неожиданному соавтору.

ББД и Гуннбьорн гордились «Книгой» не даром.

Собственно, она была не более чем пособием для детей (по крайней мере, таковым она задумывалась до появления «Ключей»). Для детей она предназначалась, поскольку (до определенного возраста) перешагнуть момент своего рождения и вспомнить, то, что пережили их пращурь, они не могли. Причина была проста. Не все, что происходило с их мамами, папами, бабушками, дедушками и так далее (вглубь веков), детская психика могла воспринять правильно и без излишнего волнения. Однако многие события были настолько важны, что должны были быть донесены до их сознания. Разрешением этой проблемы долгое время были заняты мысли Лунга и Гунна. Результатом этих размышлений и стала «Книга».

Уже позже, выяснилось, что «Книга» вполне могла пригодиться и взрослым. Все дело в том, что в ней появились цифры и слова (те самые «Ключи»), которые ни Гуннбьорном, ни Лунгвайтом туда не записывались.

Как так получилось, некоторое время никто из них не мог понять, **хотя, в конце концов, все выяснилось.** Впрочем, не будем торопиться и расскажем об этом несколько позже.

Итак...

«Ключ» представлял собой набор слов и цифр. Услышав-

ший их мог столь явно увидеть то или иное воспоминание предка, будто сам при этом присутствовал. Способностью столь четко проникать в воспоминания предков обладали немногие, а уж передать увиденное другим могли и вовсе единицы. Воспоминания предков были довольно размытыми, и только наиболее эмоционально окрашенные и важнейшие из них могли сложиться в четкую картину.

«Книга» с «Ключем» была почти лишена этого недостатка. Именно поэтому, появившись в качестве пособия на уроках истории, она обрела более важную роль в жизни обитателей третьего берега.

Единственное, что вызывало вопрос у девочек, это то, что «Книга» выглядела так, будто ей была не одна сотня лет. Потертый переплет, пожелтевшие страницы... Эль предположила, что ББД и папа нашли старинный фолиант с чистыми страницами и записывали туда свои наблюдения и прочую информацию, но Пыль была не согласна с такой версией, поскольку даже чернила на некоторых записях выглядели так, будто и им сотни и сотни лет. Самое интересное было в том, что некоторые записи были совсем недавними, но почерк и там и там был одним и тем же. Это был почерк ББД и их отца. Кроме того, и Эль и Пыль испытали очень странное чувство, когда в первый раз увидели «Книгу» и дотронулись до ее обложки.

Эль назвала это чувство «ДЕЖАВЮ». Слову этому ее научила мама, кровь которой составляла дичайший букет из

крови всех ее предков – Драконов и не только. Иногда мама предпочитала слову «Дежавю» витиеватый рифмованный пассаж из нескольких фраз на языке ее Родины. Звучало это забавно, но не без изящества:

**«НАДЫСЬ случилось
ПАКИ ДНЕСЬ
еще раз повторилось,
хотя не БЕ
НИКОЛИЖЕ со мной!»,**
что означало примерно:
**ВЧЕРА случилось,
ВРОДЕ бы СЕГОДНЯ повторилось,
хотя и не БЫЛО
со мною..... НИКОГДА.**

Пыль согласилась с сестренкой и ее определением, но, подумав немножко, добавила к этому описание своего чувства: «Это как встретить призрак САМОГО СЕБЯ».

Вот и сейчас, когда ББД протянул «Книгу» Пыли и подошел к камину, чтобы бросить туда пару паленьев, Пыль вытаращилась на «Книгу», затем осторожно провела ладонью по обложке и, внезапно наклонившись, лизнула.

– Ты чего, сбрендила?

Эль повертела у виска пальцем. Пыль задумчиво почмокала губами.

– Пыль?

Пыль скривилась, сплюнула и вытерла губы рукавом.

– Горько-соленая.

– На зуб еще попробуй!

– Не, не хочу. Я тебе мышь, что ли?

Тут Эль «заблажила»:

– Дай мне! Дай лизну! Ну Пыы-ы-ы-ль!

Но тут ББД вернулся, озадаченно посмотрел на девочек, улыбнулся и забрал «Книгу».

– Девчонки, прекратите. Итак...

ББД открыл «Книгу» на первой странице.

– Итак, – повторил ББД, – где у нас братья Анубис и Тот? Смотрим оглавление. А, вот и нашлось. Это страница номер 44.

Лунгвайт пролистал книгу, наконец, открыл искомую страницу и, посмотрев на девчонок, спросил:

– Готовы?

– Да! Мы в нетерпении, – хором ответили сестренки.

– Коль так, то смотрим на огонь и внимательно слушаем. Информация э-э-э-э... слегка размыта и весьма схематична, поскольку было это давно, но все же даст вам некоторое представление о том, с какими трудностями пришлось столкнуться нашим предкам.

ББД, наконец, тихо заговорил: – 30. 06263, 31. 24967, Етер. Золото. Запах масла. Солнечный зайчик... Скарабей...

ББД еще не договорил до конца слово «скарабей», а девочки уже не слышали его голоса, они вдруг явственно услы-

шали совсем другие голоса, а вместо стен пещеры увидели...

Глава 12 (Отрывок из истории Великих Драконов по имени Тот и Анубис)

Масляные лампы освещали покой «великого бога» Египта и отбрасывали тень его птичьего профиля на выложенный белым мрамором пол. Высокий свод и стены главного зала за многие годы прокоптились дочерна. Прекрасные резные изображения, потеряв во времени очертания и краски, теперь едва угадывались даже днем, когда яркий свет солнца заливал помещение, отражаясь поочередно в хитроумно расставленных медных зеркалах.

«Великий» сидел за каменным столом, через весь стол тянулся папирусный лист, один край которого лежал на полу.

Тот протянул руку, схватил первый попавшийся ему предмет и прижал им еще не исписанный край папируса, который норовил свернуться в трубочку и опрокинуть палетку с двумя углублениями, доверху наполненными красной и черной краской. Предметом этим оказалась небольшая, отлитая из золота фигурка, изображавшая бога Анубиса. Безделушку Анубис отлил собственноручно и подарил брату три дня назад.

Фигурка очень нравилась Тоту. От нее будто исходило какое-то внутреннее тепло. Не отдавая себе отчета, Тот вот уже

третий день таскал ее с собой повсюду, будто любимую игрушку в детстве.

Тот взглянул на фигурку, протянул руку и, проведя пальцем по идеально отполированному металлу, пробормотал:

– Хм, а ведь похож. Вылитый братишка. Вот только... – Он пощупал чуть шероховатые, искрящиеся даже в полутьме зала, алмазные вставки, изображавшие глаза Анубиса. – Глаза похожи на те, что были в детстве, а не те, что сейчас... – Он тяжело вздохнул, поправил непослушный папирус и снова поставил фигурку на стол. – Хоть этим помоги, приятель.

Некоторое время он что-то старательно писал, периодически обмакивая кисточку то в черную, то в красную краску. Наконец он на минуту остановился, постучал длинным тростниковым каламом по своему клюву и, опустив глаза на фигурку, пробормотал:

– Хм... Ты так думаешь, братишка? – Он перечеркнул только что написанную фразу и снова задумчиво постучал себя по клюву.

Внезапный Удар Гонга заставил его поднять птичью голову от свитка.

«Бог мудрости» встал из-за стола и, недовольно ворча, поплелся к трону. Усевшись, он поставил ноги на низкую скамеечку, в одну руку взял посох, а другой нажал рычаг в подлокотнике трона. Двери медленно разошлись в стороны, впус-тив в помещение четверых жрецов. Тот с нескрываемым раздражением уставился на неожиданных гостей, но, как сле-

дует рассмотрев их, с облегчением вздохнул.

Он не любил жрецов. Они были хитрыми, жадными до денег и власти. Это делало их довольно ненадежными партнерами. Эти четверо не были исключением. Однако при них можно было не строить из себя бога (слава Богу). «Великий Тот» понимал, что жрецы рано или поздно поймут, что ни Анубис, ни он не являются теми, за кого себя выдают, и давно махнул рукой на то впечатление, которое должен был производить на подданных. Анубис – другое дело. Анубиса жрецы боялись.

Тот встал, положил посох на скамеечку и пошел навстречу входящим жрецам, рукой приглашая занять места за столом. Когда все расселись, он оглядел гостей своими карими птичьими глазами и произнес на одном дыхании:

– Как продвигаются наши дела? Что пирамида? Когда планируете закончить? Может, помощь нужна? Если нужна, то вознесите молитвы Анубису. Да и я могу поговорить... – Тут воздух в легких Тота закончился, как он ни старался успеть закончить фразу. Он вдохнул всей грудью, «чертов» клюв произвольно защелкал мелкой дробью. Он безнадежно махнул рукой и закончил фразу: – Да и я могу поговорить с ним.

Именно в этот момент из открывшейся небольшой двери за золотым тронем Тота появился его брат. Столь внезапное его появление мгновенно стерло с губ жрецов мерзкие усмешки, вызванные нелепым пощелкиванием клюва Тота.

– Анубис! Ты очень вовремя! – облегченно вздохнул Тот.
Да, это был он. Анубис. Бог Мертвых.

Крепкое мускулистое тело венчала словно отлитая из темной бронзы голова шакала. Гость оскалился в улыбке, которая так пугала простой люд. Улыбка его пугала даже жрецов, а иногда вызывала мурашки и у самого Тота. Тем удивительнее прозвучал веселый голос вошедшего.

– А, собрались уже?

– Да, как раз о тебе вспоминали, – щелкнув клювом, промолвил Тот.

– На то я и Бог. Вы должны помнить обо мне каждое мгновение! – Анубис расхохотался. Жрецы поежились.

– А-а-а! Испугались? – Он рассмеялся еще громче. Звук металлического, чуть похожего на тьякканье шакала смеха несколько раз отразился от стен зала, метнулся в темный коридор и там уже окончательно смолк.

Старший из жрецов укоризненно покачал головой, явно не одобряя «божественного» легкомыслия.

– У-у-у, какие кислые у вас лица. – Анубис вдруг погрузнел и добавил: – А у меня так вообще морда. Ну а на тебя, Тот, и вовсе без слез не взглянешь. Прямо воплощение уныния – этот твой клюв.

Тот, давно привыкший к манере разговора Анубиса, сидел молча и ждал продолжения. Судя по настроению брата, продолжение должно было последовать, и оно последовало:

– Нет, ну правда-же, Тот! Тебе не надоело это дурацкое

выражение лица?

Тот вздохнул:

– Осточертело, братец. Так же, как и выражение твоего лица. Ну? К чему эти шуточки?

– Тот! Смотри! Да посмотри же на меня! Ну? Ничего не замечаешь? Ну же, Тот!

Тот непонимающе уставился на брата. Анубис как Анубис. Шакалья голова, мускулистое загорелое тело, ничем не отличавшееся от человеческого. Зная характер брата и поняв, что он ничего не скажет сам, Тот еще раз внимательно посмотрел на Анубиса. Да, да! Глаза! Глаза, что были черны как ночь и обычно даже не отражали самого яркого света...

Глаза! Они изменились! Это были глаза его брата. В этих глазах сияла улыбка! Почти забытые искорки веселья! Он снова увидел их. Наконец-то.

Как он устал от этой безысходной черноты во взгляде самого близкого человека.

Тот даже стал верить в то, что Анубис, этот выдуманный Бог Мертвых, действительно видит загробный мир, который отражается «великим ничем» в его глазах! И вот!

– Анубис! Но как? Как ты смог?

Анубис повернул голову в сторону молчавших жрецов и рявкнул:

– Ну? Чего ждем? Хотите, чтоб я приоткрыл вам дверку в загробный мир навсегда или откроете обычную и покинете нас на некоторое время?

Жрецы нехотя попятились к входной двери. В их глазах читались недоумение и плохо скрываемая враждебность. Но верховные жрецы терпели выходки Анубиса. Благодаря братьям, они могли контролировать остальных жрецов и крепко держали власть над ними.

Анубис, мгновенно оценив ситуацию, пристально посмотрел на жрецов и медленно воспарил над полом. Недоумение и враждебность во взглядах нежеланных посетителей сменились на страх. Анубис довольно улыбнулся, обнажив белоснежные шакальи зубы, что еще более усилило страх жрецов.

Спустя мгновение дверь наконец закрылась и братья остались вдвоем.

– Ты с ними слишком мягок, Тот. Их надо периодически ставить на место. Пусть они не считают нас такими уж Богами, но бояться должны.

Тот не обратил внимания на слова Анубиса. Он крепко взял брата за плечи и, повернув к свету, еще раз посмотрел в глаза брата. Ошибки не было. Они изменились. Тот воскликнул:

– Но как? Как тебе удалось? Как ты мог так рисковать?

Анубис вдруг заговорил шепотом:

– Никакого риска, Тот! Я почувствовал, что получится, и попробовал! Представляешь? Я попробовал, и у меня получилось! Тот, у меня получилось! Значит, все твои расчеты верны! Конфигурация едва возможна, но работает!

Тот не верил своим ушам. Он недоверчиво посмотрел на

брата и воскликнул:

– Ты хочешь сказать, что...

– Да, Тот. – Анубис не дал договорить брату. – Я попробовал все конфигурации, Тот. Слышишь? Попробовал все. Теперь, как никогда, я уверен, что мы сможем! Вот-вот все это кончится!

Тот недоверчиво посмотрел на брата.

– Ты же сам говоришь, что мои расчеты верны, а согласно им...

– Да, да, Тот, они верны, но наверняка ты допустил одну ошибку. Что это за ошибка и в чем причина моего неожиданного открытия, я не знаю. Но я почти уверен, что нам все не надо больше строить эти растреклятые пирамиды!

– Ошибку? О чем ты говоришь, Анубис? Почему нам не надо больше строить пирамиды?

Анубис огляделся по сторонам:

– Мы точно одни?

– Да. Только ты и я. Да в чем дело?

– Иногда мне кажется, что нас подслушивают.

– Подслушивают?

– И подслушивают и подсматривают за нами. Очень странное чувство.

Тот обеспокоился:

– И давно оно у тебя появилось? Я же предупреждал тебя...

– Да прекрати ты, Тот! Оно у меня давно появилось. Моя

нившись к самой голове брата:

– То, что я тебе сейчас сообщил, очень не понравится жрецам.

Тот озадаченно посмотрел на Анубиса, но не стал больше читать мораль брату и, замолчав, прислушался к своим внутренним ощущениям. Он действительно это почувствовал. Почувствовал давно забытое и почти утерянное чувство свободы. Линия конфигурации была очень слабой, но точку конфигурации, от которой она исходила, он нащупал довольно отчетливо. Точка была очень далеко, но он ее хорошо чувствовал. Он осторожно «качнул» свою конфигурацию в сторону «первой основной» и услышал удивленно-радостный возглас, а затем и счастливый смех брата:

– Я так и знал, что ты начнешь со своего дурацкого ключа!

ББД договорил слово «скарабей».

Девочки еще не вышли из транса, в который были погружены его размеренным, монотонным голосом. На самом делетранс длился не более секунды, которая потребовалась для того, чтобы закончить слово «скарабей». В их полузакрытых глазах еще стояла картина дворца, а уши еще слышали голоса двух братьев. Голоса Анубиса и Тота.

Мил громко заскулил во сне и вывел из сонного оцепенения девчонок.

Пыль, вытянув ноги, произнесла:

– Да, дела-а-а-а. Мы это в первый раз слышим.

– Да-а-а, предки наши были не идеальны, но в упорстве им не откажешь, – сказала Эль.

– Неидельны? Вы считаете это обманом? Воля ваша. Но я склонен согласиться лишь с последней характеристикой. Именно упорство и вера в успех! Вот что, в конце концов, помогло им добиться своей цели и... обрести то, чего они даже не надеялись найти.

– Не надеялись найти? – на этот раз одновременно воскликнули девочки.

– Да, девочки! И это только подтверждает основное жизненное правило! Судьба с лихвой вознаграждает тех, кто не сдаётся и борется до конца.

– Эль и Пыль почувствовали, что рассказ ББД продолжится.

И действительно, ББД продолжил пояснения.

– История Тота и Анубиса – лишь небольшая часть истории наших предков и их борьбы. Это история двух Великих Драконов, «застрявших» в «мимикрической» конфигурации. А еще сотни и сотни драконов застряли в первой и третьей. Если (как я и говорил) Тот, Анубис и другие им подобные столкнулись с тем, что не могли без последствий (подчас ужасных) выйти из своей конфигурации, то остальные вообще не могли ничего поделать. Особенно тяжело пришлось тем, кто жил на севере и остался в третьей конфигурации. Их истории отражены во множестве легенд север-

ных народов. Повествования эти не всегда правдивы, но до некоторой степени дают представление о том, в каких условиях довелось оказаться этим драконам.

– А дальше? Что было дальше? Чем все закончилось? И что за результат, которого они достигли, но не ждали?

– О, достигнутая ими возможность менять конфигурацию поначалу так их обрадовала, что они даже не представляли, какое разочарование их ждет! И, что самое главное, какое великое открытие их ждет после постигнутого разочарования!

Эль и Пыль непонимающе смотрели на ББД.

– Потом, крошки... Потом. Вот вам еще одна маленькая история.

Смотрим на огонь, слушаем... слушаем... слушаем... 62.
05. 59, 7. 12. 18, Фиорд, Вертел, Ночь... Боль, Улыбка...

Глава 13 (Начало Истории семей Фафнира, Лунга Первого (предка Лунгвайта), семьи Гуннбьйорн и Валькирии Регинлейв)

Лунг осторожно, но крепко сомкнул челюсти на толстом обломанном древке, уперся обоими лапами в шею Фафнира и сказал сквозь зубы: «ЗЕЙШАС БУДЕТ НЕМНОЖЖЕЧГО БОЛНО»

Фафнир зажмурился и ответил:

– Тащи давай, больнее не будет! Сил нет терпеть! Ну сколько мо-о-о-о-о-о!

Лунг рванул! Обломок копья своим зазубренным накопечником вырвал кусок мяса. В стороны отлетело несколько чешуек. Открытая рана снова засочилась фосфорицирующей драконьей кровью. Лунг выплюнул древко, мгновенно набрал воздуха в легкие и полыхнул огнем между лопаток, туда, где только что торчал кусок смертоносного оружия.

Запахло паленым, и чешуя вокруг раны оплавилась, закрыв собою место ранения.

– А-а-а-а! О-о-о-о! Лунг! Ты что творишь! Ты что, жаркое из меня хочешь сделать! У! Людо-Драконоед! Вот ты кто!

– Фафнир, дорогой! Дезинфекцию еще никто не отменял! Кто знает, чем эти дикари его намазали! Посмотри на наконецник! Грязный, ржавый. Ты лучше крыльями пошевели. Не мешает «заплата»? Если застынет не так, то придется еще раз «пыхнуть».

Фафнир поднялся с пола пещеры и несколько раз взмахнул крыльями.

– Пыхнуть... Вот как пыхну сейчас в тебя, чтобы почувствовал, каково это... Пыхальщик...

Так, ворча и ругаясь, Фафнир подошел к остатку копья, поднял его и осмотрел.

Вот мерзкие... Слов нет! Ну что я им сделал? Какого Одина они в меня палками тыкают? Как увидят – и давай тыкать! Потыкают, рожи свои неумытые моей кровушкой перемажут – и домой: «О, я Дракона убил! Посмотрите на меня! На мне его поганая кровь! Я Герой!»

Фафнир сокрушенно помахал головой и в сердцах добавил:

– Тьфу на них! Ну не дураки? Я весь в заплатах уже!

– Мальчики, вы как дети, – наконец подала голос Регинлейв. Она все это время сидела у костра, разведенного посреди пещеры.

Драконы одновременно повернули головы к ней.

– Фафнир, Лунг! А чего вы от них ждали? – продолжила Регинлейв – Вот ты, Фафнир, например.

– Что я? – удивился Фафнир и повторил: – Что я им сде-

лал?

– А то, что ты за зиму сожрал почти все их стадо баранов! – Она выразительно посмотрела на костер, в огне которого жарился внушительного веса барашек. – Немножко твоей драконьей крови – не такая большая плата.

– Баранов? Да они сами бараны! Я что, должен с голоду сохнуть? Вы ведь понимаете, что наша кормовая база здесь крайне скудна! Ну, чего молчишь? А, Регинлейв? Тебе легко говорить, ты в первой конфигурации, а мы с Лунгом в третьей. Расход энергии несопоставим!

Регинлейв в действительности была не в первой, как сказал Фафнир, а во второй («мимикрической») конфигурации. Конфигурация была легкой и практически не отличалась от первой, основной, за исключением мелочей. Еще парочка способностей была ей свойственна, но почти все они были незаметны глазу, за исключением перепонок между пальцами на ногах. Все эти отличия от людей были крайне полезны их обладателю.

С пищей в этом холодном неприветливом мире было неважно. И если короткое лето было небольшой передышкой во вражде людей и Драконов, то зимой стычки происходили все чаще и чаще. В летние месяцы в этих широтах солнце практически не заходило за горизонт, и Драконы могли восполнять силы (частично будучи гелиотропами), впитывая энергию светила, и практически не досаждали местному населению. Да и богатые воды летом давали возможность раз-

нообразить рацион рыбой.

Зимой все было сложнее. Полярные ночи и лютый холод, сковывавший льдом реки и море, вынуждали Драконов восполнять нехватку энергии с утроенной силой. По понятным причинам Драконы не могли сами выращивать себе пищу, а скалы и леса не могли обеспечить их потребности в полной мере. Единственным выходом были набеги на отары овец, которых выращивали местные племена.

– Да, тут не поспоришь.... сказал Лунг. – Думаю, что нас слишком много для этой местности.

– Стараниями этих дикарей нас скоро станет меньше, – проворчал Фафнир.

Он задумчиво посмотрел на обломок копья и, отшвырнув его мощным пинком лапы в угол пещеры, добавил:

– Дать им нас всех перебить – это, конечно, выход, но надо бы поискать другое решение. Это мне кажется слишком радикальным, – он усмехнулся.

– Что предлагаешь?

– Думаю, надо разделиться. Часть из нас должна улететь в южные широты.

– Логично. Думаю, что я, Линдворм, Балаур и, конечно, Регинлейв и Гейрскёгуль с подругами-одноклассницами останемся на Сторе-фиорде и на Развоге. Тебе же на юге самое место, да и сын твой в тех краях.

Упоминание о сыне больно отозвалось в душе Лунга. Как он там, что с ним, в какой конфигурации он оказался?

Не показывая вида, Лунг, произнес:

– Линдворма надо оставить здесь. Линдворм здесь очень уместен. Уж не знаю почему, но местные люди верят в то, что увидеть его – к удаче. Надеюсь, и вам она улыбнется. Балаура же, наоборот, надо попросить держаться подальше от людей. Очень уж страшен. Ну зачем, скажи мне, он столько голов отрастил? Тем более что они все пустые, как тыквы, кроме одной! Да и по поводу этой одной у меня сомнения...

– Э, не скажи! Зачем? Да, это ж очень удобно! – возразил Фафнир. – Отрубят тебе парочку фальшивых голов местные «герои», и ладненько. Да и «огневая мощь» высокая! Так что наш друг Балаур не так глуп. Да и Регинлейв, – он кивнул головой в сторону своей пятнадцатилетней ученицы, – ей это только на руку.

Регинлейв улыбнулась:

– Это всем нам на руку. Если б не мы, Валькирии, то вас бы уже не было на свете. А так мы с Балауром такие спектакли для местных разыгрываем! Чуть вы набедокурите, мы тут как тут. Как «убийцы» Драконов мы незаменимы. К слову сказать, голову Балаура мы только два раза и приносили в деревню, а так хватает и парочки когтей. Да эти дикари даже предпочитают когти!

Фафнит заинтересованно посмотрел на юную Валькирию.

– Почему это?

– А ты чиркни своим когтем по камню!

Фафнир ударил лапой по стене пещеры, и горячий сноп

искр посыпался во все стороны.

– А-а-а, понятно.

– То-то! Ты знаешь, сколько стоит один драконий коготь?

– Ну?

– Три барана!

– Ух ты! – Фафнир удивленно (будто в первый раз видел) посмотрел на свою лапу.

– Так-то, – Регинлейв улыбнулась.

– Ну, коли так, то давай я буду стричь свои когти, а ты будешь их менять на баранов! Вот тебе и выход будет! – Фафнир захохотал.

– Да, в отличие от голов Балаура, когти растут довольно быстро! – засмеялась и Регинлейв.

– Как ему вообще удалось отрастить такую прорву голов? – перебил Валькирию Лунг.

– Если серьезно, то он еще до окончательного сбоя точек конфигурации эксперименты ставил на себе. Ты ведь знаешь, что первая и третья всегда считались неизменными, а он попытался. ...И вот, так и застрял. Но не было бы счастья, да несчастье помогло – и местным воинам слава (он кивнул на Регинлейв), и нам поспокойнее. Не то, что я.... Весь в заплатах.

– Интересно, как это ему удалось? – повторил Лунг. – Хотя чисто теоретически... Ладно, вернемся к нашим э-э-э-э-э «баранам»! Остатки точки конфигурации мы обнаружили, и теперь надо только подумать, как ее усилить.

– Чего тут думать? Серебро, золото... Короче, все, что не ржавеет, а иначе никак, – ответила Регинлейв, медленно вращая вертел с барашком над яркими углями костра.

Внезапно она наклонилась, выхватила из костра огромную головешку и подняла над головой.

– Ты чего, Реги?

– Чш-ш-ш. – Регинлейв напряженно вглядывалась в дальний угол пещеры.

– Да что ты там увидела? – заволноволся Лунгвайт.

– Лунг, ты не могбы пыхнуть в тот угол? – ответила она, не поворачивая головы.

– Да зачем это?

– Пыхни, я тебе говорю.

Лунгвайт набрал воздуха в легкие и послал ослепительный сноп огня туда, куда указывала Регинлейв. Стена пещеры мгновенно раскалилась докрасна.

– Ну что? Еще пыхнуть или достаточно? Что случилось-то, Реги?

Регинлейв швырнула головешку обратно в костер и проворчала:

– Показалось...

Фафнир вопросительно посмотрел на Лунга. Тот пожал плечами:

– Устала наша девочка. Шутка ли: все время в таком напряжении.

Фафнир бросил на Регинлейв взгляд, полный искреннего

сочувствия:

– Поспать бы тебе, Реги.

– Да не устала я. Просто показалось. С кем не бывает.

– Ну да, ну да, – пробормотал Фафнир. – С каждым может случиться...

Регинлейв благодарно посмотрела на Фафнира и продолжила прерванный разговор:

– Вот я и говорю, что надо искать золото и серебро. Иначе никак.

Фафнир жадно втянул ноздрями запах жареного мяса и меланхолично ответил ей:

– Да, думаю, что местное население не обрадуется, если мы к барашкам и овечкам добавим еще и их драгоценности.

– Что делать, все три пещеры надо засыпать ровным слоем благородного металла, – Регинлейв, заметив интерес Фафнира к барану на вертеле, отрезала основательный кусок мяса и протянула ему.

Он благодарно посмотрел на юную Валькирию, но, заметив, что баран еще готов частично и ему придется есть этот кусок в одиночку, вежливо отказался: – Потерплю. Спасибо. – Он почесал старую рану на передней лапе и добавил: – Да знаю я, знаю. Без металла ничего не получится.

– Думаю, что дырок в твоей шкурке добавится... – невесело усмехнулся Лунг.

– Чтоб у тебя язык отсох! – беззлобно ответил другу Фафнир.

После обильного ужина

Когда Фафнир, попрощавшись с друзьями, вышел из пещеры, стояла глубокая ночь.

– Красота-то какая, – сам себе сказал Фафнир.

Было на удивление тихо. По ледяному панцирю, сковавшему море, с едва слышным шуршанием скользила поземка. Скалистые стены Согне-фьорда рвались вверх, создавая циклопических размеров коридор. Там, далеко наверху, в темном небе колыхалось полотенце северного сияния.

Фафнир подумал: «Да, недаром жители севера его называют “Свет, который можно услышать”».

И действительно, всполохи его удивительным образом совпадали с шепотом кристаликов снега, гонимых легким ветром. Фафнир, не расправляя крыльев, приподнялся над поверхностью льда и перевернулся на спину.

«Действительно, энергию приходится экономить. Да и торопится некуда», – подумал он.

Поземка легкими снежными спиралями качнула Дракона, как волны качают лодку, и легонько понесла его вдоль стен фьорда.

Глава 14

«Хороший сегодня выдался день»! – подумала Ингридр.

В капканы попало несколько пушистых песцов, а сети, вытащенные из с таким трудом пробитых лунок, принесли неожиданно богатый улов. Наконец она сошьет детишкам новые варежки и шапки, а мороженой рыбы хватит до самой весны.

Женщина тянула сани по гладкому, легкому льду и через каждые пятьдесят шагов оглядывалась. Как там ее крошки?

Край волчьего полога, укрывающий сани с богатым уловом, был приоткрыт, а из-под него, выпуская облачка пара, выглядывали двое детей, напросившихся на рыбалку с мамой.

А вот и дом показался из-за края знакомой скалы. Единственное окошко их жилища желтело неровным светом. Это был свет горящего в доме очага. А горящий очаг означал, что муж вернулся с охоты и, видимо, тоже не без добычи!

– Хороший день! Просто замечательный! – Уже вслух произнесла Ингридр. Она на мгновение остановилась, с явным удовольствием распрямила спину и добавила: – А коли муж не без добычи и очаг горит, то мне и готовить не придется.

Ингридр очень устала. Она взялась за веревку и, с явным

трудом сдвинув сани с места, зашагала вперед.

– Ничего, Ингридр, – подбодрила она себя. – Еще немножко, и ты дома!

Женщина свернула к берегу и прибавила хода. Настроение было чудесным, и идти стало намного легче, чем в начале пути.

Мальчишка лет тринадцати смотрел на бесчисленные вихорьки снега, и они казались морской пеной в кильватере его корабля. Гунн так старался полюбить то, что любил его отец-охотник, но грезил морем. Папа учил его стоять на лыжах, стрелять из лука, снаряжать капканы, но как только море взламывало лед по весне, мальчик бежал к брату отца и сутками напролет учился у того вязать узлы, ставить паруса и ориентироваться по звездам. Только там, у причала, он чувствовал себя счастливым.

А девочка, которая была на шесть лет младше брата, пока ни о чем особенном не мечтала. Она очень устала от этого путешествия. Братишка уже был довольно взрослым и, помогая маме вытаскивать сети, трудился с ней почти на равных. Он тоже очень устал, хоть и не подавал вида. Мальчик долго не соглашался сесть в сани с сестренкой, будто он маленький, но мама настояла, и пришлось покориться.

Маленькая Дэгрун неотрывно смотрела на оставляемые полозьями саней следы, которые поземка заметала быстрее, чем те успевали утонуть в темноте. Эта картинка ее убаюкивала, и она почти заснула. Вдруг брат сильно толкнул сест-

ренку в плечо и вытянул руку в сторону.

– Дэгрун, смотри!

Девочка повернула голову туда, куда указывала рука брата. Они даже не испугались и не окликнули маму, до того это было чарующе – нереальное зрелище. Буквально в десяти шагах от них из темноты медленно и величественно, подобно кораблю, выплыл огромный Дракон. Сначала в широко открытых глазах, а потом поочередно в каждой чешуйке этого прекрасного создания отразились яркие звезды, зеленые всполохи сказочного небесного огня и две восторженные детские мордашки.

– «Драккар», это» Драккар», видишь, Дэгрун? – прошептал маленький Гуннбьорн.

«Драккар», – повторил мальчишка, словно пробуя на вкус столько что выдуманное им слово.

Фигурка женщины, тянувшей сани с тяжелой поклажей и двумя забавными детишками, становилась все меньше и наконец скрылась в темноте. Фафнир повернул голову к небу, еще раз посмотрел на звезды и улыбнулся.

– **Эль? Пыль?**

Девочки, замороженные воспоминаниями предка Большого Белого Дракона, Фафнира, и других персонажей, разморенные теплом огня, исходящим от гигантского камина, глубоко спали.

Лунгвайт улыбнулся и прошептал:

– Что ж, спокойных снов, девочки...

Он закрыл «Книгу» и провел по лицу ладонью, окончательно отгоняя видение, еще раз взглянул на сонную парочку и немного озадаченно пробормотал:

– Не могу понять, откуда здесь воспоминания этой женщины? Как ее там?.. Ингридр? А маленького Гуннбьорна? Да, он дедушка нашего Гунна. Да, он женился на Великой Валькирии Регинлейв... Но он не из Драконов! У Нельгды папа тоже был не из Драконов, но она уже в первом поколении проявила недюжинные способности! При этом ни одно воспоминание о ее отце не было столь ярким, как воспоминания Гунна о своем дедушке и даже о матери своего дедушки! А впечатления этой малявки в санках? Как они сюда попали? Есть о чем задуматься... есть.

Глава 15

– **Ужасное поведение!**

Йо-Нельгда-Нуар стояла перед притихшим классом.

– Дело, видимо, серьезное, – прошептала Пыль.

– Ага! – так же шепотом ответила Эль.

Их директрисса и одновременно их мама (так уж девчонкам «повезло»), добрая, веселая и рассудительная, сохраняющая спокойствие при любых обстоятельствах, сейчас была в тихой ярости.

И хотя она, войдя в класс, не произнесла еще не единого слова, всем было понятно, что дело действительно серьезное.

Догадаться об этом было нетрудно.

Во-первых, она была в третьей конфигурации...

Собственно, этого «во-первых» было достаточно. Преподаватель в школе мог принять третью основную конфигурацию только на уроке конфигурации, и то в демонстрационных целях. Никто не припоминал, чтоб это случилось при других обстоятельствах. Но директрисса стояла сейчас перед ними именно в третьей. По иссине-черной чешуе учительницы пробегали ярко-желтые волны ярости.

Преподавательница оглядела класс, останавливая взгляд поочередно на каждом из учеников.

– Так! Двенадцать! То есть все на месте и все живы-здо-

ровы, – с явным облегчением произнесла Йо-Нельгда-Нуар.

Волны желтого приобрели темный оттенок и потихоньку сошли на нет. Класс тихо выдохнул, понимая, что, кажется, пронесло и самое страшное позади, но не расслаблялся.

– Итак, вчера... – Нельгда грозно оглядела класс и продолжила: –... вчера после полудня вы...

Но тут она была вынуждена прерваться, поскольку дверь открылась и в класс вошел ББД.

– Йо, доброе утро. Прекрасный денек сегодня намечается! Вы не находите? О! Простите, я даже не заметил вашей конфигурации! Как вы прекрасны в вашей третьей! Признаться, я не сразу узнал вас!

– Доброе утро. Хотя кое для кого это утро станет последним добрым утром на ближайшую неделю!

Произнеся это, она грозно оглядела притихший класс.

– Я думала, будет месяц, но неделя тоже срок... – опять прошептала Эль.

– Объясните же, что случилось? Я в нетерпеливом ожидании вашего рассказа! Ну же, Йо! – буквально взмолился ББД.

– Итак, вчера, – начала заново Йо-Нельгда-Нуар, – эти оболтусы в полном составе отправились к Морепаду!

– И? – синтересом произнес ББД.

– И там, на Морепаде, устроили черт знает что! Они прыгали в первой основной вниз!

ББД быстро взглянул на Эль и Пыль, после чего восклик-

нул:

– Ай! В смысле, Йо! Уважаемая Йо, думаю, что дети неправильно поняли мое домашнее задание! Безусловно, я должен был предусмотреть это и предупредить их, что это не практическая работа! Они, безусловно, бестолочи! – Он укоризненно взглянул на детишек, чуть задержав взгляд на двойняшках, и продолжил: – Ох, как мне нравится этот класс! Столько рвения в учении! Но они, безусловно, Бес-то-ло-чи! Йо, позвольте мне самому разобраться в этом инциденте и определить наказание, которого они, без сомнения, достойны!

ББД еще раз посмотрел на Эль и Пыль.

Йо-Нельгда-Нуар, грациозно изогнув шею, посмотрела на ББД, сдержанно кивнула головой и ни слова не говоря, направилась к двери.

– Йо, может, вы...

– Что? – Нельгда развернулась и вопросительно посмотрела на ББД.

– Ну, я имею ввиду, что в третьей не стоит... э-э-э-э...

– Ах, да! Ну конечно же... – смутившись, произнесла Йо и в то же мгновение предстала в первой конфигурации перед классом.

– Супер! Ты видела? Я моргнуть не успела, – прошипела Пыль.

– Ага! Мама – это что-то! – с гордостью подтвердила Эль.

– Это в нее мы такие талантливые!

Пыль развернула плечи и вздернула подбородок.

– Мы? – криво улыбнулась Эль.

– Ах ты...

ББД зыркнул на девчонок, и они притихли, злобно поглядывая друг на друга.

Йо-нельгда-Нуар тем временем открыла дверь и, ни слова не говоря, вышла из класса.

ББД несколько мгновений смотрел на захлопнувшуюся дверь, потом озадаченно провел пальцем по шраму и решительно направился к столу. После он неглядя схватил одну из множества бумажек, лежащих на столе, и стал что-то на ней писать.

Все это время в классе стояла мертвая тишина.

Наконец ББД оторвался от своих записей и, победно посмотрев на детей, произнес:

– Я этого не учел! Представляете? Впрочем... Вы не представляете...

Класс застыл в молчании.

ББД посмотрел прямо в глаза Пыли и протянул:

– Ну-у-у-у? Пыль, я жду объяснений.

Пыль сглотнула и затараторила:

– А, что я? Почему сразу Пыль? Эль, скажи же ему! ББД, мы только решили повторить ваш эксперимент, а она! Она как ворвалась в класс, она...

– Пыль, что за ББД, что за «Мы», что за «Она». Изволь взять себя в руки! Не ББД, а Большой Белый Дракон или,

на худой конец, Лунгвайт! Не Мы, а наш дружный класс, и, конечно, не Она, а Йо-Нельгда-Нуар, а если точнее, то Найт-Нюи-Ночь-Йо-Нельгда-Нуар! Это гордое имя она унаследовала от своих предков, которые его заслужили за Пределом. Мало того, одно из этих имен она заслужила лично! Повторяю, Лично! В далекой, прекрасной, но суровой иснежной стране! Замечу, в первой конфигурации! Вы этого не знали? Что ж, я вам расскажу, но позже и при других обстоятельствах. А теперь все остаются на своих местах. Встретимся и поговорим на досуге! Мне надо кое-что обсудить с Нельгдой наедине. Ваш преподаватель придет чуть позже.

ББД повернулся на каблуках и вышел из класса.

Класс мгновенно ожил и зашушукался. Эль и Пыль тут же рванулись к столу. Эль оказалась быстрее и, схватив забытую ББД бумажку, впиалась в нее глазами. На плече у нее мгновенно повисла Пыль и, пытаясь прочесть записи, засопела сестренке в ухо. На бумажке убористым почерком было написано несколько формул, а в конце Эль прочла: «Милая Эль, любопытство не порок! И только **болтливость** делает **пороком любопытство**! Будь добра, не поддавайся более этому пороку, положи бумажку в карман и отдай мне при нашей следующей встрече, которую я назначаю вам на ближайшую субботу. Твой ББД. P/s. Пыль, не расслабляйся. Все, что я написал, касается и тебя. Вашу болтливость мы обсудим тогда же. Да! Еще раз по поводу болтливости. Обязательно передайте вашим одноклассникам, что НИКТО (большими

буквами) НЕ ДОЛЖЕН УЗНАТЬ ОБ ЭТОЙ вашей «Шалости». Если хоть одна живая или даже неживая душа узнает про это, то ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО будете наказаны».

– Но как он узнал, что я найду бумажку и добегу первой?

– Это просто невыносимо! – сказала Пыль.

– Совершенно согласна с тобой, сестренка! Иногда он БЕ-СИТ!

Позже, когда уроки кончились и Эль с Пылью вышли из школы, они увидели сидящих на траве пришкольной полянки маму и ББД. Видимо, те закончили беседу, потому что Йо поднялась, отряхнула коленки, поплевав на ладони, вытерла их о живот и, улыбнувшись ББД, направилась к школе. ББД что-то громко крикнул ей вслед, Йо громко расхохоталась и, зачем то приложив ладони к макушке, крикнула в ответ:

– И тебе привет от Зайи!

Затем, помахав ему рукой, Нельгда пошла по своим директорским делам.

Глава 16 (Первое знакомство Лунгвайта и Нельгды)

История, начало которой ББД упомянул, укоряя девочек в неуважении к их маме, но ЕЩЕ НЕ РАССКАЗЫВАЛ ДЕВОЧКАМ, однако скоро расскажет. А продолжит повествование их папа, рассказав, как они познакомились в той самой далекой снежной стране (впрочем, в момент их знакомства там стояло лето и было довольно тепло).

Ну а сейчас – начало обещанной истории... Истории Нельгды.

Я глядела в небеса
И видала чудеса.
Змий летал под облаками,
Дыбом встали волоса.
Он упал к мене на грядку
И назвался моим дядькой,
Сел на красное крыльцо,
Подарил мене кольцо.
Его в избу пригласила
Да на лавку усадила.
Напоила молоком,
А он дурень-дураком,
С мною жить не захотел,

**И под утро улетел.
Мамка плачет,
Брат расстроен,
Тятя думой беспокоен
Эй, эй... эге-гей,
Скоро ль свидимся, мой Змей?**

(из детского творчества Нельгды)

Нельгда, несмотря на свои семь лет, была девчонкой рассудительной и серьезной. Стоя на коленках в небольшом огорожке, который тятя разрешил ей разбить у дома, девочка пропалывала капусту с морковкой и бормотала себе под нос незамысловатые стишки.

**Нонче листиков в капусте и не редко, и не густо!
Вы вяжитесь в узелок, будет крепок пусть вилок,
Чтоб капусточка крепка, кочерыжка чтоб хрустка!**

и продолжала уже на распев:

**– Ах ты, моя морковушка, кудрява твоя головушка,
За кудряшку поташу, тятьку с мамкой угощу,
И братцу достанется,
Имене останется.
А тебе, зверишше-зайчишше, уж как станется!**

– Это я шутейно! Хватит и для тебя, Зайц! – громко сказала она.

У покосившегося плетня в крапиве сидел ее тряпочный зверь – Зайчишке(как она называла зайца).

Сделан он был из подола старого мамкиного сарафана. Несмотря на то что Зайчишке лишь отдаленно напоминал зайца, девочка его любила самозабвенно и никогда с ним не расставалась. Вот и сейчас ее заяц, сидя в сторонке, наблюдал своими косоглазыми, углем нарисованными глазами за своей маленькой хозяйкой и внимательно ее «слушал» длинными потрепанными ушами. Ведь именно с ним она сейчас беседовала.

Нельгда вытащила одну морковку из земли, плюнула на нее и, обтерев о рукав, с хрустом грызнула сочный, сладкий плод.

– Вкусна-то! Сочна-то!

С этими словами девчонка встала с коленок, отряхнула их, а потом, поплевав на ладошки, вытерла оживот и направилась к плетню. Подойдя, взяла в руку зайца и, поведив у того перед «носом» морковкой, спросила:

– Оголодал? Оголодал. Вижу! Ох, как слюнки потекли! На, доходяга! Хрумкай!

Потыкав тряпошному зверю в «рот» морковью, изрекла:

– Хватит, а то кишка закарзябицца да пузо вспухнет!

Стоя посреди своего огородика, Нельгда с явным удовольствием дохрумкивала морковку.

Вдруг, услышав непонятные звуки, она перестала жевать и оглянулась по сторонам.

– Зай? – обратилась она к своему тряпочному другу. – Ушки-то у тебя почутчее моих будут. Ну-ка? Чай, и ты слышишь. Будта свистит че? Али почудилось мне?

Зай молчал.

Маленькая огородница снова посмотрела по сторонам. Так ничего и не увидев, она пожала плечами и уже открыла рот, чтобы откусить от морковки, но тут странный звук повторился. Она подняла глаза в небо и воскликнула восхищенно-укоризненно:

– От, лиходеи! Смотри, Зайчишше, опять Змеюку бедного гоняють! Супостат, кноешно, но тварь живая ведь!

И вправду, в хмуром, тяжелом не по-летнему небе метался Дракон.

В Новгороде живность эту не любили. Обвиняли в краже скота и казны, налетах на деревни, колдовстве, ведовстве и прочих невероятных непристойностях. Нельгда весьма сомневалась в том, что Зверь-Змеюка (как она его называла) действительно достоин всех этих обвинений. Однако она и сама видела третьего дня, как полыхнул стог полусгнившего прошлогоднего сена на опушке леса да слышала до этого визг дикого кабана в лесу. Видать, Змею было голодно в их местах.

Прижав к пузу любимую игрушку, девочка продолжала глядеть в небо. За Дракона, видимо, принялись всерьез. Обычно этот юркий зверь без труда уходил от охотников, но сегодня ему было тяжело. С земли все летели и летели

огромные стрелы. Летели они не только с городских стен, но и из деревенок, которые лепились к городу, как цыплята к наседке.

– Зайц, гляди, а ведь зашибут родимца!

В эту же секунду Дракон перестал метаться по небу и, медленно вращаясь вокруг своей оси, полетел к земле.

– Попали-таки... – округлив глаза, прошептала девочка.

Дракон падал неожиданно долго, так долго, что Нельгда успела сообразить, куда он упадет.

– От, супостат! Сейчас свалицца! Да прям сюдой!

Подхватив подол сарафана одной рукой и зайца другой, девчонка метнулась в сторону и плотно прижалась к плетню.

Она оказалась права. Через мгновение на ее грядки свалился дракон...

– **Черт меня дернул сунуться сюда в «третьей»,** да еще и «Ключ-Камень» потерять. Застрял здесь почти на целый год! – в очередной раз в сердцах подумал ББД, когда слева беззвучно пролетел очередной гарпун.

– И дел-то было всего ничего... Прилетел, поискал точки конфигурации и улетел обратно. Тем более обидно, что в здешних местах не оказалось никаких признаков того, что эти самые точки конфигурации когда-либо здесь существовали и когда-либо в этом месте жили Драконы или их потомки.

Лунгвайт подслушал, правда, одну невнятную сказку про

некоего Змея Горыныча, но подробности этой сказки были столь невероятны, что он отложил расследование на следующий раз.

Дела были закончены, и он собрался домой в Предел, но...

«Н-да... – подумал Лунгвайт, – мысль полезть купаться с камнем за щекой была бестолковой и безответственной!»

Еще одна гигантская стрела прошла справа, прервав его рассуждения.

– Да, что ж это творится!

Дело действительно было в так глупо утерянном камне. А поскольку камень был не просто камнем, а «Ключ-Камнем» и поскольку он был в третьей конфигурации, то и искал он его в третьей. Изменить конфигурацию или попасть в Предел без камня не было никакой возможности.

«Ключ-Камень», утерянный ББД почти год назад, был найден неким рыбаком Микиткой в брюхе огромной щуки, после чего продан за бесценок ювелирных дел мастеру Микаэлю, который безошибочно признал в нем алмаз и придал ему столь модную в последнее время огранку, что пришла на смену простой шлифовке. Затем он вставил сияющий камешек в золотое кольцо и преподнес новгородскому правителю.

Далее кольцо было отдано степнякам в качестве дани, после чего сменило нескольких владельцев.

К моменту, как ББД наконец нашел кольцо, оно красовалось на одном из пальцев личного стременного очередного

«Великого Хана».

Если проследить путь «Ключ-Камня» было делом пусть и не очень сложным, но довольно долгим, то изъятие кольца оказалось делом достаточно простым.

ББД выследил и настиг незаконного владельца кольца в летней степи. Насилия он не применял, а только выжег вокруг всадника огромный кусок степной травы, и пока тот находился в глубоком обмороке от угара и ужаса, снял искомое сокровище с пальца незадачливого новоявленного владельца.

И вот уже на обратном пути...

ББД шарахнулся от очередной стрелы, и тут же его настигла еще одна. Крыло обожгло острой болью.

– Мы летели, летели – на головушку сели. Потом еще полетали... да головушку-то потеряли... – грустно и не совсем к месту пробормотал Лунг, вспомнив детскую говорушку из местного же фольклора.

Крыло почти не слушалось, и он, убрав часть левитации, понесся к земле.

– Если зависнуть здесь, то вмиг превратишься в бабкину подушку для иголок... – здраво рассудил Лунгвайт.

Земля медленно приближалась, становясь все ближе и ближе, пока вдруг казавшиеся игрушечными поля, огороды и избы непонеслась с бешеной скоростью навстречу и не стали вполне настоящими.

«Переборщил», – успел подумать ББД и, едва успев уве-

личить левитацию, все же больно ударился о землю. В воздух взлетели комья земли, а с ней морковь и капустные листья.

Крыло саднило, в голове шумело. ББД, поднявшись на ноги, попытался понять, насколько серьезно попадание. Но тут услышал:

– Батюшки мои! Что ж это делается-то!

«Ребенок! – с ужасом подумал Лунг. – Сейчас реву будет, вот угораздило!»

Он повернул голову и...

Перед ним стояла маленькая веснушчатая девчонка с выгоревшими на солнце волосами. Плакать она явно не собиралась. В одной руке у нее была зажата надкусанная морковка, в другой – тряпочная кукла, отдаленно напоминающая зайца.

Этим зайцем он и получил по морде (приблизительно и несколько раз). Девчонка каждый удар сопровождала причитаниями:

– Ты куда упал, родимец (шлеп)!

– Куда твои глазоньки бестыжие смотрели, когда ты падал (шлеп)!

– Весь огород наш испоганил(шлеп еще раз).

– Чем кормить будут тятка с мамкой детушек своих мале-е-е-еньки-и-и-х (уже с подвывом заблажила девчонка)? – Но тут же деловито и зло добавила: – Меня, братца и вот его – зайчишшу моего! С этими словами она еще раз замахнулась зайцем.

– Да хватит меня лупить! – заорал ББД.

Девчонка открыла рот от удивления и прижала зайца к животу. Казалось, то, что Дракон заговорил, испугало ее больше, чем его вид.

Ну, а сказать, что ББД удивился, – ничего не сказать.

Местные боялись драконов до ужаса. Они даже организовали охоту на него и ему подобных. Сегодняшний инцидент был не первым, но такого количества стрел ББД никак не ожидал. Видимо, охотники подошли к делу всерьез.

За последний год, кроме него, в этом обличье никого не появлялось, но и его одного с его-то зимним аппетитом хватило. Летом ему было почти достаточно для пропитания и солнечных ванн, но вот уже месяц, как зарядили дожди, и пришлось немножко подкрепиться. Три дня назад, совершенно случайно и довольно недалеко отсюда, он своим дыханием поджег старый стог сена, пытаясь поджарить дикого кабана, выловленного в лесу.

«Интересно, а почему она меня почти не боится? Может, она с “дуриной”?» – подумал ББД.

Он пригляделся к девчонке.

«Да вроде глазки умные, речь связная».

– Ты чья такая? – спросил ББД.

– Чья ни чья, да только не твоя! Тяткина да мамкина! Тебе-то чо?

– Да ничо, – глупо улыбнувшись, сказал ББД. И уж совсем глупо добавил: – Чо, чо? Да ничо! Зайца с тряпок на плечо!

Девчонка улыбнулась незатейливой рифме дракона, прищурилась, внимательно оглядела гостя, пожала плечами и сказала немножко смущенно:

– Да, с «зайчишкой» я тебя познакомила! Ишшо хош? – и вдруг засмеялась залиvisto.

«Она меня вообще не боится», – с удивлением подумал ББД.

– И все-таки интересно, так чьяж ты такая бойкая? А?

– Моя! – вдруг хриплым басом рывкнула девочка...

Потом девчонок стало несколько, и они разом закричали:

– Тятя, не надо, он хороший, он мой друг и друг моего З А Й Ч И ШШШ-Ы-Ы-Ы-Ы, – это было последнее, что он услышал. Затем перед ним появилась тряпошная морда зайца, и ББД, попытавшись сфокусировать взгляд на немислимо раскосых глазах зверя, потерял сознание...

ББД никак не мог себя заставить открыть глаза.

Голова гудела жутко. Прислушавшись к ощущениям, он с удивлением отметил, что крыло не болит. Наконец решился, открыл глаза и... ничего не увидел.

– Слепили! – Сужасом подумал ББД, но вдруг услышал:

– Нельгда, очнулся твой гость. Да сними ты с него повязку, даже шишки, поди, нет!

С его головы заботливо и осторожно начали снимать повязку. Наконец сняли, и ББД огляделся по сторонам.

Он лежал посреди довольно просторной избы, с потолка

свисали маленькие снопики разнообразной травы, над ним склонилось усыпанное веснушками лицо его старой знакомой. Выгоревшие пряди волос девчонки свисали на лицо ББД и щекотали нос. ББД чихнул и приподнялся.

– Эй, не балуй! Избу развалишь! – тут же раздался мужской голос.

– Не такой я и огромный.

Действительно, в нынешней третьей походной конфигурации (не то, что в «боевой третьей») он не привышал роста взрослого мужчины более чем в полтора раза.

Стараясь быть поосторожнее, он все же приподнялся и покрутил головой.

У окна на скамье сидела женщина в ослепительно-белом сарафане.

«Видимо, мать девчонки», – подумал ББД.

Прямой взгляд синих глаз (совсем не тревожный, а скорее любопытно-настороженный) был направлен прямо в его глаза. Темно-русые волосы с ровным пробором, руки спокойно лежат на коленях, ноги обуты в лапти и спрятаны глубоко под скамью.

Рядом в белой холщовой рубаше, черных штанах и тоже в лаптях стоял бородатый и тоже голубоглазый мужчина. За поясом торчал топор, хищно поблескивая хорошо наточенным лезвием.

– Это им ты меня? – спросил ББД.

Мужчина усмехнулся.

– Спасибо, что обухом, – поблагодарил ББД.

Мужчина снова усмехнулся и кивнул головой. Потом сказал:

– Никитка, дай гостю попить!

Тут только ББД заметил мальчишку лет семи, который прятался за отцом. Мальчик подошел к столу, взял крынку, что стояла, накрытая чистой тряпицей, и направился к раненому. Не без опаски, под одобрительным взглядом отца, протянул обеими руками и сказал:

– Пей, гость дорогой.

– Благодарствую. – сказал ББД и принял крынку обеими руками, поднес ко рту и стал жадно пить холодное молоко.

Сделав последний глоток, вернул крынку мальчишке.

В избе повисла неловкая тишина.

– Н-да, погода нонче только Кикиморам да Русалкам мила! – прервала наконец всеобщее молчание женщина.

– И то! Все поют песенки свои на излуине реки да хохочут на болотах, – подала голос девчонка.

– А что? Много ли русалок да кикимор в ваших местах? – пытаюсь поддержать разговор, спросил ББД, а сам подумал: «Какие еще русалки? Какие такие кикиморы?»

Женщина усмехнулась хитро, но промолчала, а девчонка рассмеялась:

– Дык это ж одно и тож! Токма те, что в болоте, – Кикиморы, а те, что на речке, – Русалки. А много ли? Да кто ж знает? Не видал их никто никогда, потому как они нежить

да невидаль! – и девчонка расмеялась еще громче.

– А... Ну да, – ББД был несколько растерян.

Девчонка прыснула в кулачок. Мальчишка с укором посмотрел на сестренку. Отец с едва заметной улыбкой погрозил ей пальцем.

Все еще немного помолчали.

– Да, погоды препоганейшие. Сено сгниет, дороги размоет, ежели так пойдет... – с опозданием поддержал тему погоды мужчина.

– Как зиму переживем? – звонко поддержала девчонка. – Капуста вдрызг, морковка вхрясь! Ой, бяда.

– Цыц, Нельгда! – перебил ее отец.

ББД смущенно поскреб в затылке.

– Я прошу прощенья за огород и остальные неприятности, но-о-о могу я задать вам несколько вопросов?

– Вопросай, коль есть о чем, – сказал мужчина.

ББД встал, сопровождаемый тревожным взглядом женщины, и, осторожно сделав два шага, сел на скамью у стола.

– Перво-наперво вот, возьмите – не побрезгуйте, – и он положил на стол кольцо, потом, спохватившись, поддел когтем камень, вытащил его из кольца и засунул за щеку.

– Вы простите меня, но камень отдать не могу, а кольцо возьмите. Это золото. Думаю, вам хватит не на одну зиму.

– Мужчина подошел, сел рядом, протянул руку к кольцу, взял, повертел и с достоинством сказал:

– Щедро больно за капусту да морковь. Не можем мы по-

дарок принять.

– Пустяки! Как это не можете? Обидите гостя! Думаете, я не заметил, что крыло мое залечили? Ведь прибить могли – не прибили. Вот топор-то у васостер, поди!

– Нда, струмент у меня справный, – согласился мужчина. – А крыло? Так это Нельгда. Она у нас на эти дела мастерица. Вся в мать пошла.

Женщина почему-то горестно вздохнула и погладила Нельгду по голове.

– Ну так возьмете? И потом, у меня еще вопросы есть! Не забыли? А ответы тоже чего-нибудь, да стоят!

– Ну... спрашивай, хоть за спрос денег и не берут, но коль просишь взять, то подумаю.

– Вы уж простите, но... вопрос, собственно, один... Почему вы меня не боитесь?

– Молчи! Слышишь, не говори ему! – взмолилась женщина.

– Цыц! Не мельтеши! Думаешь, мне легко? – нахмурясь, одернул ее муж.

ББД, ничего не понимая, хлопал глазами.

– Че ж скрывать, она ж у нас летучая тож. Не змейская, правда... – выпалил мальчишка.

Мужчина зыркнул на мальчишку, и тот притих.

– Кто летучая? – так ничего и не понимая, спросил ББД.

– Нельгда, девочка наша...

Мать решительно встала с лавки и, подойдя к девочке, об-

няла ту за плечи и продолжила:

– Брат мой вдовцом жил. Жену он потерял, а девчонку сберег. До двух лет растил с младенчества. Родила она ее, когда брат мой с дружиной в отлучке был. Вернулся аккурат к родам, а милой его нет, только несколько убиенных степняков по двору разбросаны. Он давай метаться по избе да вокруг. Слышит, плачет, что ль, кто? Голову поднял на крик, глядь – девчонка вгнезде, что на крыше аисты свили. Поди, мать ее степняки в полон забрали, аккурат после рождения нашей Нельгды, а как дите умудрилось туда попасть... Видать по всему, дитенка мать успела спрятать. Она ведь тож была летучей. Спрятать – спрятала, а сама не смогла убежать. Вот уж семь лет, как ее нет. Как Нельгде два лета пришло, то опять брат ушел со степняками воевать... да там и сгинул. Все милую свою искал... Видать, погибель свою нашел. С тех пор у нас дочка появилась. А нам что? Одним больше, одним меньше... Все в радость, коль по сердцу жить. Мать то ее тоже была не нашего роду-племени... И кликали ее в девичестволи Нуара, толи Ньюяра. Мы все ее Ньюркою звали. Да травы ведала, да сказки про вашего брата гутарила, да смеялись мы, не верили, а она и сама верилали, кто ж знает... Вот и дочка в нее... И ведь не учил никто.

– Найт! Найт-Нюи! – воскликнул ББД.

Найт-Нюи! Потомок Великих! Тех, что так долго боролись, так долго искали оставшиеся «точки конфигурации», которые так настойчиво их восстанавливали и благодаря ко-

торым сохранились Драконы. Потомок тех, что остались в первой конфигурации в тот момент, когда все остановилось! Потомок тех, кто полюбил людей и так и остался жить среди них, сделав свой выбор. Выбор, сделанный женщинами из рода Нуар, поразил ББД. Мать Нельгды не могла не знать, КАК и в КАКОЙ из конфигураций она сможет дать жизнь своему ребенку. Что бы сказали эти милые люди, ставшие родителями Нельгды, узнай они, что мать ее не была взята в полон степняками, а перешла в «третью основную».

В «третью основную» конфигурацию женщины перед родами переходили независимо от того, работают или нет «точки» и «линии». Но вне Предела вынуждены были уже навсегда остаться в этой конфигурации после родов, зная, что надежда вернуться в первую ничтожна и что держит она свою дочь на руках в последний раз.

Степняки, видимо, появились, на свою беду, в этот самый момент. Против разъяренной матери в третьей основной, или, как ее еще называют, «походной конфигурации» шансов у них не было. ББД, казалось, видел, как прекрасный иссинь-черный Дракон поднялся над домом, бережно положил в аистиное гнездо свой хрупкий груз и, взмахнув крыльями, улетел навсегда.

И! И теперь ББД смог открыть Великую Истину! Эта маленькая девочка Нельгда, веснушчатая, с выгоревшими на солнце волосами девчонка с дурацкой игрушкой «зайцишкой» в руках, является прямым доказательством того, что

ничто не превращается в ничто! Через столько поколений! Нет, это просто невероятно... Сохранить Все способности! Ведь мать Нельгды была не первой, у кого родился ребенок. То есть и ее мать вынуждена была «бросить» своего ребенка.

ББД спокойно, как только смог, спросил:

– Нельгда, ты во сне, что ль, летаешь или как?

– Вот дурной ты, Змеюка! Кто ж во сне летает? Глаза-то закрытые! Не ровен час, на луну улетишь! Это ты, видать, во сне сегодня летал! То-то крыло дрыном пробило! А я... Вот как мы с Зайцишшей летаем! Смари!

Нельгда без всякого труда воспарила под потолок, сняла с крючка какую-то травку и вернулась на пол.

– Аче зазря летать-то? – скромно сказала она, отдав матери (приемной, как оказалось) сушеный букетик.

– Мам, чаю иванового взвари, а? Уж вкусе-е-е-ен! Да и Змею нашему угосшение будет. Чо в сухую-то сидим?

– И то правда! – сказала мать и пошла к печи, тепло потрескивающей почти посреди избы. Взяла ухват, подцепила горшок и поставила на огонь.

Все сели за стол. Иван-чай поспел. Изба наполнилась ароматом травы. Тятка (как его называла девочка) разлил напиток по вместительным, заимствованным у степных жителей, чашкам-пиалам. Сын принес горшочек с медом. Пили долго, молча, с удовольствием.

Наконецотец спросил тихо:

– Ну, что? Теперича девоньку нашу заберете?

– Ох... – только и сказала мать.

– Как я могу! Что вы такое говорите? Я ведь не зверь! – искренне возмутился Лунгвайт.

Родители удивленно вскинули брови.

– А! Понимаю! Я в том смысле, что не всегда в таком виде...

– Это мы понимаем, от матери ее байки слышали, а теперь сами видим – не все байки сказал отец... Да и вид у тебя не совсем чтоб змейский.

– В каком смысле не совсем?

– Чудно, но внутри тебя будто человека видать.

ББД удивленно уставился на отца Нельгды.

– Так вы видите?

Дело в том, что в походной конфигурации была некоторая особенность. Сторонний наблюдатель (если он был Драконом), всегда мог рассмотреть (и довольно отчетливо) человека. Даже не самого человека, а его «изображение». Будто искусный художник-график несколькими светящимися штрихами нарисовал живую картинку внутри причудливых рыцарских доспехов, изображающих Дракона. Обычный человек тоже мог это наблюдать, но не так четко, как собрат-Дракон. Все зависело от освещения, остроты зрения наблюдателя и его возраста.

– Я же говорю, что будто... То видать, то нет. Это Нельгда тебя хорошо рассмотрела да мне сказала, что человек ты, а не то я бы...

ББД покосился на топор. Отец Нельгды проследил его взгляд и утвердительно кивнул.

– Нельгде скажи спасибо. Глазастая она у нас. «Ой, тятя, не змеюка это! Человек тама внутри движется, точно как мы, да красивенький, да только вот голый, бесстыдник!»

– Нда-а-а-а... – смущенно протянул Лунгвайт.

– Да не стыдися, мы ж не видим почти тебя! А стыда тут и нету никакого, мы в бане-то всей семьей паримси! Это она тебя бесстыдником назвала, потому как не в бане! Чо взять с дитя...

– Так не знала я, что его никто не видит, акромья мя! – вмешалась в разговор Нельгда. – Ты уж прости, змеюка, что подглядала за тобою.

– Нельгда, цыц! Чего встречаешь! Виш, как засмутила гостя!

– Нда... – смущенно повторил ББД.

Нельгда хихикнула, но притихла, а мужчина продолжил распросы:

– Ты лучше скажи, зачем тогда к нам прилетел? По какой такой нужде?

– Вы не поверите, но я совершенно случайно рухнул в ваш огород... И все же... Коль так все сложилось, то, безусловно, я хотелбы, чтоб девочка вернулась к нам... Дело в том, что здесь она э-э-э-э-э-э... не сможет в полной мере э-э-э... в смысле потомства... скажем так.

– Чудно ты говоришь, Змей, вроде как и по-нашему, а сло-

ва чудные да иной раз непонятные вовсе.

– Так ведь издалека я.

– Ну да, это понятно.

– А вы? Кто вы? Каких будете? – спросил сынишка.

– Как я сегодня выяснил, мы от вас ничем не отличаемся, малыш, разве только внешне, да и тоне всегда и не везде. Общего у нас больше, чем может показаться. Я понимаю, что вы, да и я, не готовы принять решение. Давайте спросим у Нельгды, через годик, когда я вернусь, и... Там видно будет.

Беседовали долго. Сынишка заснул прямо за столом. Отец осторожно взял его на руки и уложил на теплую печку. Нельгда сидела до последнего.

Странная это была картина.

За одним столом в сгустившихся сумерках сидели Дракон, мужчина, женщина и маленькая девочка, прижимающая к груди тряпичного зайца.

Наконец девочка поднялась из-за стола и сонно сказала.

– Змей, ты прилетай, а? Зайцишше ты пондраву пришелся. Да и мне. Красибенький ты и добрый. Это сразу видать. А штаны я тебе сошью! Ты не думай, я умею! Она как штаны я своему Зайцишше справила!

ББД улыбнулся.

– Спасибо тебе на добром слове, малышка, прилететь не обещаю, а дойти – дойду! И непременно буду в штанах.

– Смотри же, Змей вострокапытый, ты обещал! А я теперь спать пойду! Да и Зайц устал! Неча ему тут средь взрос-

лых делать без меня. Делов у нас на завтра – а-а-а! Капуста вдрызг, морковка – вхрясь... – пробормотала, позевывая, Нельгда и полезла на печь, где уже видел десятый сон ее брат. И уже с печи «прозевала»: – Спокойной ночи, друг милый!

– Нда, у девчонки удивительная психологическая устойчивость, – сам себе сказал ББД.

Уже глубокой ночью ББД и родители Нельгды вышли на улицу.

– Что ж, пора и честь знать, – сказал ББД, – но я непременно вернусь.

– Возвращайся, мил друг. Девонька наша уже совсем взрослая, ей и решать. Драконы змейские, видать, взрослеют быстро.

– Да, взрослеют быстро... Как и все дети. Не успеешь оглянуться.

С этими словами ББД «включил» леви и без единого взмаха взмыл высоко вверх и уже потом расправил крылья и полетел.

Отец и мать долго смотрели вслед. Уж и не видно было ничего, а они все смотрели на звездное небо. Потом мужчина посмотрел на женщину и сказал:

– Может, оно и к лучшему, чуждо девоньке нашей тут, как и матери ее... Крылья, видать, жмут... На волю просются.

– Может быть, и к лучшему, – согласилась женщина. – Да и кто знает, что за год случится...

Она и не подозревала, НАСКОЛЬКО права. Много чего СЛУЧИТСЯ с Нельгдой за этот год...

На этом начало истории Йо Нельгды мы пока закончим, а доскажет эту историю папа Эли и Пыли (кому же еще, как не ему...).

А пока продолжение главы 15 – Ужасное поведение.

Глава 17

Занятия закончились, но, не смотря на то, что к теме «безобразного поведения» никто из учителей, включая маму, не возвращался, настроение у всего класса был отак себе. Все прекрасно понимали, что дома всех ждет «профилактическая» беседа. Если у остальных ребят была еще надежда, что «пронесет», то и Эль и Пыль не строили иллюзий.

Пытаясь оттянуть неприятный разговор с родителями, домой никто не торопился.

Эль, Пыль и их подружка Нейт молча сидели на низко висящей ветке старой школьной яблони и издали наблюдали за мелюзгой из начальных классов.

Малыши развлекались с леви, играя в нечто напоминающее «классики». Площадка для игры была расчерчена на квадраты, пронумерованные от единицы до пятидесяти. Встав перед первым квадратом, играющий должен был бросить бит(небольшой плоский камень округлой формы), прыгнуть в этот же квадрат двумя ногами и выбить бит в следующую. И так от первого до пятидесятого. Трудности начинались с третьего квадрата(класса), потому что допрыгивать каждый раз надо было до класса, в котором находился бит, и прыгать можно было только из первого квадрата (класса).

Такие прыжки подразумевали включение леви и требовали точного расчета времени его выключения. Надо было

учитывать силу отталкивания, скорость, угол полета и даже встречный, попутный или боковой ветер. Игра была очень полезна для тренировки и, конечно, давала необходимые навыки первоклашкам. Взрослые приветствовали такую игру, а учителя настоятельно рекомендовали.

Видимо, не зря чемпионом их класса по «леви-классикам» считалась Нейт, потому что из них троих она единственная, кто смотрел на развлечение первоклашек с интересом. Иногда она комментировала прыжки мелюзги:

– Не долетит, ну куда-а-а-а, а ветер-то кто учитывать будет! А этот молодец! Слушайте, девчонки, Йо ведь права, что нас разнесла за наши опыты на Морепаде. Совершенно точно видна зависимость точности прыжка от степени волнения на примере этих малявок! Вон тот мальчишка! Он так волнуется, что, я боюсь, до нас допрыгнет и сшибет, как спелые арбузы с ветки! И чем больше волнение, тем вероятнее перелет или недолет! Вот смотрите! Опять! Так что мы были неправы в своем стремлении.

Пыль возмутилась:

– Нет, правы!

– Нет, не правы!

– А я говорю, что ничего тут неправого нет!

Разгорающийся спор между Пылью и Нейт перебила Эль.

– О! Родилась стихотворная мысль! Слушайте стих!

Эль «заблажила» в своей привычной манере:

**Я была не права,
Я была вся лева,
Я была однолево-двурукой.
И сказали друзья:
– Нет, она не права,
Не пожав мою левую руку...**

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а! – заорала Пыль.

– Умоляю, Эль! Этомало того, что безграмотно, но и...

– Ну! Ну, что же ты, а? Ну-ну! Продолжай! – Эль сжала кулачки, а глаза мгновенно налились слезами обиды.

– Это чудовищно, Эль!

– Чудовищно? Ты мне не сестра! Ты мне... ты мне... Ты сама чудовище – монстр!

– Девочки, девочки! Ну пожалуйста, не надо начинать... –
Взмолилась Нейт.

Близняшки громко сопели, но до взрыва не дошло.

Помолчав с минутку, Пыль ядовито, но почти как ни в чем не бывало продолжила обсуждение, едва не окончившееся потасовкой.

– Ну, знаешь, «права»! «Лева»! Ой... в смысле – ничего и не права! Мы ведь не малявки! Это только у малявок арбузы на ветке растут, – она зыркнула на Нейт.

– Ну, не знаю... Судя по тому, что ни Йо, ни ББД мало того, что никому не сказали о наших опытах, но и оставили записку... – в свою очередь, возразила Эль сестре.

– Самое простое, что я могу предположить, это то, что и

ББД, и ваша мама пытаются удержать от повторения наших опытов всю остальную школу! Включая вот этих несмышленишек! – закончила Нейт довольно логичным выводом.

В подтверждение ее слов тот самый мальчишка, у которого ничего не получалось, взлетел на высоту своего роста, окончательно потерял самообладание, завертелся волчком и чуть было не влетел в школьное окно, подхваченный коварным порывом ветра. Все закончилось хорошо, поскольку незадачливый прыгун тут же был пойман за пятку проходившим мимо учителем математики и опущен им на землю.

Подружки еще некоторое время наблюдали за резвящимися первоклашками. Нейт озадаченно скребла макушку, глубоко зарывшись в густые черные волосы обеими руками, и что-то бормотала.

– Эй, Нейт, о чем задумалась? – спросила подружку заинтригованная Эль.

– А? А-а-а-а. Я вот думаю, что мне мама скажет, когда узнает, что я не на математические этюды ходила, а с Морепадом сгала...

– Да, дела-а-а. Не завидую, – сказала Эль.

– Дела-а-а, – эхом отозвалась Пыль.

– Ага, вам-то хорошо, ваша мама уже знает, а мне еще предстоит неприятный разговор, – продолжала ныть Нейт.

– Эх, нелегка ты, доля детская... – уже хором проныли подружки.

– Жалостливое! Экспромт! – заунывно-подвывно сказала

Эль и начала в такой же «заунывно-подвывной» манере.

Стих Эль

(в неожиданном соавторстве с Пыль)

**Каждое словечко тенью падает
в свет, что так неистово не мил!
Боже мой, как мало теперь радуют
те, кого вчера боготворил.**

**Папочка читает мне нотации.
Ночь – без сна,
Грядущий день – постыл!
Мамочка велит не расслабляться,
– а-а-а-а–
– а-а-а-а Сестра – Законченный дебил!**

Неожиданно закончила стихотворчество за сестру Пыль и, спрыгнув с ветки, с гоготом понеслась по школьному двору.

Эль тоже спрыгнула с ветки и понеслась за нею, что-то крича.

Нейт глядела на них некоторое время, а потом задумчиво бросила вслед удаляющимся лучшим подружкам:

– По-моему, они обе – дебилы.

...И пошла домой.

Глава 18

Наступила ближайшая суббота.

Ни мама, несмотря на обещанные санкции, ни папа, для которого санкции против дочек зачастую превращались в санкции и против него (не без причин), не отказали БДД во встрече с их дочками. Они никогда не отказывали БДД. Не отказали и в этот раз.

Мама согласилась их отпустить, «скрепя сердце» и в последний раз, а папа – с плохо скрываемым облегчением. Девчонки засобирались в гости. Собственно, засобирались – громко сказано. Сборы заключались в выслушивании маминых напутствий и предостережений и в подробных инструкциях по вручению гостинца для БДД. БДД и сам любил готовить, и надо сказать, что делал он это прекрасно, но мамина стряпня приводила его в неопикуемый восторг.

Он говорил: «Только ваша мама умеет приготовить элементарное блюдо с таким изяществом! Думаю, что весь секрет приготовления кроется в травах и кореньях, но и без «ведовства» (в которое я отказываюсь верить) дело не обходится! Вот что значат навыки, полученные в детстве!»

Папа поймал замотанную в полотенце и бегущую из душа Эль. Подхватив дочь на руки, он прошептал ей на ушко:

– Следи за сестренкой, пожалуйста! Ты у меня умничка!

Эль чмокнула папу в щеку и пошла одеваться. Одевшись,

она пошла получать обязательное напутствие от мамы.

Пыль, час назад успевшая и помыться и одеться, подошла к папе, обняла его за талию, подняла голову и, уперевшись в папину грудь острым подбородком, подняла на него голубые глазищи.

Папа потрепал ее по «загровку», наклонил голову и пробормотал в теплую макушку дочери, не претендуя на оригинальность:

– Следи за сестренкой, пожалуйста! Ты у меня умничка!

С этими словами он вручил Пыли довольно тяжелую книгу, которую попросил передать ББД. Это была та самая «Книга». Та, в которую они с ББД поочередно что-то записывали, что-то в ней исправляли и постоянно передавали друг другу. Пыль положила «Книгу» в ту же сумку, что и мамин гостинец. На этом сборы были закончены.

Девчонки вышли из дома. День только-только рождался, а они уже, весело болтая, миновали последний дом городка (Дом Серого Волшебника) и пошли знакомой с детства песчаной тропкой, что вела в это время дня в сторону рассвета. Пыль щурилась на солнце, которое еще не до конца вынырнуло из Моря, а Эль «трансформнула» узкую, темную полоску кварца, защищающую глаза от яркого света. Настроение у сестренок было прекрасное!

Пикник!

Да, ББД пригласил их на пикник, который решил устроить

на пределе Предела! Как всегда, не обошлось без «Квеста» от их друга. Он заключался в следующем:

Девочки должны были добраться до места, не прибегая ни ко второй «мимикрической» конфигурации и уж, конечно, ни к конфигурации «Дракон». То есть никаких конфигураций. Только левитация. Именно поэтому защита глаз, которую «трансформнула» Эль, заставила картинно поморщиться «правильную» Пыль. Эль сделала вид, что не заметила осуждения, а Пыль не захотела ссориться с сестренкой и портить такое чудесное утро из-за ерунды, ограничившись осуждающим взглядом и тяжелым вздохом.

Хи-хи-хи-хи – раздалось из ромашковых зарослей.

– А вот и наши Поньйи! – воскликнула Пыль.

Действительно на тропинку в облачке пыли с веселым хи-хи-каньем выскочили старые знакомые девчонок!

– Пы-ыыль? Ты это видишь?

– Поньйи? Ну да, вижу. Я ведь их первая увидела!

– Только Поньйи?

– А кого я еще, по-твоему, вижу! Тебя в твоём бесславном будущем или суженого-ряженого, как изволит называть наших женихов мамуля?

Эль не обратила внимания на обидные слова Пыли.

– Да верхом на Поньйи, бестолочь ты эдакая! Кто это, Пыль?

– У тебя галлюцинации?

– Ой, поняла! – воскликнула Эль, звонко шлепнув себя

ладошкой по лбу. – «Трансформи» себе что-нибудь! Быстрее, быстрее!

– ББД же просил, чтоб никаких трансформаций и конфигураций! Не буду! Я ББД не подведу!

Эль аж затряслась от возбуждения:

– А-а-а-а, тупица! Папа спрашивал, в какой конфигурации мы шли в прошлый раз! Все дело в ней! Да быстрее ты, копуша!

Пыль наконец перестала упрямиться и трансформировала полоску кварца перед глазами.

Наконец и она увидела это! Верхом на Поньии восседали...

Эльфы! Те, о которых так увлеченно рассказывал папа. Эльфы с запретных берегов.

На них были надеты прозрачные доспехи, состоящие из множества пластин, прилегающих друг к другу под замысловатыми углами. Лучи солнца, преломляясь на поверхности многочисленных угловатых граней, распались на радужные полосы. Зрелище было фантастическим! Под доспехами девочкам были видны фигурки эльфов в обтягивающих зеленых камзолах и панталонах, скрепленных многочисленными шнурками и серебряными пряжками.

– Ух ты! Красавцы какие! – воскликнули одновременно двойняшки.

– Ага, только они какие-то маленькие, ты не находишь, Пыль?

– Эль, папа же нам рассказывал, что они могут меняться в размере.

– А, ну да. Помню. ББД тоже нам что-то такое про Эльфов говорил. Оказывается, они еще могут быть невидимыми! Смотри, Пыль, их доспехи напоминают льдинки с Плато Звенящей Тишины!

– Ага! Очень похоже! – подтвердила Пыль.

Тем временем Поньйи, которыми седоки управляли без видимых усилий, выстроились в линию, и наконец появились Поньйи-Вожак и его наездник.

Встав на дыбы, вожак громкохи-хикнул, потом пустился вдоль строя галопом. Доскакав до конца строя, всадник резко осадил Вожака, развернулся и уже неспешным шагом проделал путь вдоль строя, придирчиво оглядывая свой маленький (во всех смыслах) отряд. Закончив свой путь, наездник опять развернул своего забавно гарцующего скакуна и, доехав до середины строя, остановился.

Эльф выпрямил спину, коротко поклонился девочкам и заговорил, явно обращаясь к ним, но... они ничего не услышали. По выражению лиц двойняшек он очень быстро понял, что его видят, но не слышат, почесал в затылке, а затем недвусмысленно показал пальцами на свои уши. После этого жестом ладони призвал своих спутников сохранять спокойствие и терпение и застыл в ожидании.

И Эль, и Пыль сообразили одновременно и довольно быстро. У Эль появились беличьи ушки с кисточками, а

Пыль, чуть помедля, «трансформнула» аналогичные. Эльф склонился к голове своего Поньйи и что-то шепнул ему в то ухо, что было чуть длиннее. Поньйи хи-хикнул и... пожал плечами (это, конечно, звучит странно, но движение Вожака Поньйи было столь красноречиво, что, даже учитывая тот факт, что он был пусть нелепой и маленькой, но лошадьё, движение это, кроме как пожатием плечами, истолковать было невозможно).

Поньйи снова хи-хикнул, а Эльф улыбнулся и наконец начал долгожданную речь:

– Имею ли я, полное имя которого Рибхукшан Плодородный, – Эльф высоко вздернул подбородок и продолжил: – Имею ли я счастье видеть перед собой юных дочерей, рожденных в браке вашего отца, достопочтимого Гуннбьёрна Ульфсона Третьего, потомка великого морехода Гуннбьёрна Ульфсона Первого и великой Валькирии Регинлейв?

Эльф сделал паузу и, не дождавшись ответа, продолжил: – Равно как и дочерей вашей матери, что носит имя Йо Нельгды, полное имя чьей матери, Найт-Нюи-Ночь, временно утеряно в вечности, но вскоре будет или уже накануне было выяснено! Нюи, что была супругой великого воина и земледельца Взворыки Свет Ослябя, чего полного имени мы сегодня тоже не имеем чести знать и помнить, но вспомним завтра и непременно озвучим вчера!

Эльф поочередно посмотрел на Пыль и Эль. Он ждал ответа.

Девочки словно онемели. Наступила тишина. Вожак фыркнул, Рибхукшан Плодородный еще раз вопросительно посмотрел на Эль и Пыль. Наконец Эльфу надоело затянувшееся молчание, и он решил начать сначала.

– Имею ли я, Рибхукшан Плодородный, счастье видеть перед собой юных... – Тут он, видимо, передумав, улыбнулся и спросил:

– Девочки, меня зовут Риб. Вы меня слышите? Вы Эль и Пыль?

– Уф... – одновременно выдохнули девочки и хором ответили:

– Да, это мы, и мы слышим вас! – и поочередно представились: – Эль – дочь Йо-Нельгды; Пыль – дочь Гуннбьорна.

Эльф непонимающе похлопал глазами, чуть наклонил голову, будто ожидая продолжения. Смешно, но Поньии тоже наклонил голову, будто передразнивал седока.

Пыль и Эль, поняв недоумение Рибхукшана Плодородного, продолжили коротко:

– И, соответственно, наоборот.

– То есть вы обе подтверждаете, что являетесь детьми ваших досточтимых родителей в равной степени?

– Мы же двойняшки!

– Это ничего не значит, но в данном случае мне достаточно вашего слова и вашей уверенности, что дело обстоит именно так. Мне этого достаточно, несмотря на первоначальные сомнения в вашем родстве, которые меня посетили

после того, как я вас увидел впервые.

– Ну, да, – хмыкнула Эль. – Я ведь брюнетка, а она... – Эль кивнула на Пыль.

– А я – блондинка, – продолжила Пыль, – но это даже хорошо.

– Почему хорошо? И кто вам это сказал? – заинтригованно спросил Эльф.

– Мама. Мама всегда так говорит. Потому что в детстве мама точно знала, кто из нас уже покушал, а кто нет. Ну и прочее...

– Ваша мама права. Вопросов больше не последует.

Эльф облегченно улыбнулся и продолжил:

– Поскольку все скучные, но необходимые формальности соблюдены, то я готов перейти к самой важной и приятной их части. Вы не против, если я буду краток и перейду на понятный и более привычный язык?

– А вы на каком языке с нами сейчас разговаривали?

– Он тоже должен был быть понятным, если вы об этом. Но официальным, разумеется. Прошу простить меня. Я только-только постигаю эту форму общения, но... – он глубоко вздохнул и продолжил: – Но это так выматывает, что я в этой форме общения очень скоро начинаю немножечко запутываться...

Эльф жалобно посмотрел на девочек.

Пыль улыбнулась и поспешила успокоить забавного Эльфа:

– Уверяем вас, что к подобным формулировкам мы давно привыкли, но будем только рады, если вы перейдете на менее официальный тон, господин Рибх Ушан. Ой, простите, не Ушан, а... Кушан, или...

– Вижу, позднесанскритское звучание моего имени несколько обременительно для вашего слуха. Исходя из этого, я не вижу смысла озвучивать его на изначальноэльфийском, ибо на моем родном языке оно еще сложнее. Поэтому можно звать меня просто и коротко. Я – Риб. Договорились?

– Да, господин Риб.

Эльф ловко спрыгнул с Поньйи, звякнув шпорами.

– Благодарю, юные леди! – Я уполномочен пригласить вас, Эль и Пыль, – тут он запнулся. – Это ничего, что я не упоминаю ваших родителей, как положено? И не называю вас полными именами?

– Ничего, господин Риб, тем более что вы уже упоминали и наших родителей, и родителей их родителей. Мы все любезно согласились и договорились перейти на короткие имена и нормальный язык, – поторопилась успокоить собеседника Эль.

– Благодарю, леди!

Риб поклонился.

– Итак, Пыль и Эль, вы приглашены на Тысячелетне Редчайше Случающееся Событие, а именно на коронацию и вхождение на трон нашего нового правителя!

– А Вы точно ничего не перепутали? Мы-то тут при чем? –

недоуменно воскликнула Эль.

– Уверяю вас, что я точен и безошибочен, как мой солнечный Хронометр-Тене-Проблескометр! Ошибки быть не может! Могу ли я рассчитывать на положительный ответ и озвучить пославшему меня лицу ваше согласие?

Эль пожала плечами.

Пыль повторила движение сестры.

– Сей жест означает «ДА»? – Эльф был несколько озадачен.

– Решительное «Да»! – успокоила собеседника Эль.

– Благодарю за согласие, леди!

Эльф облегченно вздохнул и неожиданно продолжил:

– И уж совсем остался пустяк. Я хотел бы вручить вам вещь, принадлежащую в равной мере вашему благородному родителю Гуннбьорну и вашему гениальному учителю Лунгвайту. Вещь, что была так неосторожно утеряна вами.

– Мы никогда и ничего не теряли из вещей родителей, кроме маминого тряпошного зайца, да и тот да-а-а-вно нашелся! – возмущенно заявила Эль.

– Ну да. Нашли мы его под матрасом моей кровати. Я это прекрасно помню, потому что мама очень обрадовалась его возвращению! – подтвердила Пыль.

Эльф, прищурившись, посмотрел на солнце, потом подошел к Поньйи, достал из сумки, что висела на шее скакуна, изящные солнечные часы. Видимо, это был тот самый Хронометр-Тене-Проблескометр. Он положил хитроумный при-

бор на ладонь и еще раз взглянул на солнце.

– Ах, с этой предпраздничной суетой я совсем замотался! Прощу прощения, но вы действительно еще ничего не теряли! До этого момента еще шесть теней и один проблеск! Извините, что невольно ввел вас в недоумение! Вопрос исчерпан и снимается с повестки дня. Пусть вопрос снят не окончательно, а на время, но будьте уверены, что утерянная вами вещь, что пока вами не утерянна, будет возвращена вам в целости и относительной сохранности после того, как будет давным-давно найдена... – Эльф на секунду прервался, что-то промычал себе под нос, поскреб в затылке и продолжил: – ... после того, как будет давным-давно найдена... э-э-э-э-э... в чем я совершенно уверен! Вполне возможно, что еще не утерянная вами вещь даже давно-придавно отдана ее истинным владельцам! А, как известно, единожды утерянная вещь может быть единожды найдена и единожды возвращена! Я непременно уточню сей факт чуть позже или чуть раньше и непременно поставлю вас в известность! Если эта вещь еще не отдана кому-либо из владельцев, то будет возвращена вам, а если уже отдана, то и отдавать уже нечего.

Эльф гордо и многозначительно похлопал ладошкой по сумке и заговорщицки прошептал:

– Она здесь. И я-то уж за ней прослежу. Даже не сомневайтесь...

Эль и Пыль недоуменно переглянулись, а Пыль (улучив момент, пока Эльф отвлекся, засовывая свой необычный

прибор в сумку) прошептала:

– Мне кажется, или он не в себе?

– Да он не только не в себе, но и не здесь, судя по всему! И его манера говорить мне кое-кого до боли напоминает. Сейчас я все выясню.

И Эль обратилась к Эльфу:

– Вы столь изысканно умеете формулировать свои мысли, но это, по вашим словам, вас э-э-э-э... Ах да – выматывает. Так, кажется, вы сказали?

– Именно, леди Эль. Даже мысли путаются и здешняя реальность уплывает из моего бедного сознания.

– Зачем же вы так мучаетесь, господин Риб?

– Мой любезный учитель риторики заверил меня, что такая форма речи, как никакая другая, соответствует столь торжественным событиям, одно из которых я должен был озвучить!

– Кто же ваш учитель? – со все возрастающим подозрением спросила Эль.

– Многие дни я имею честь учиться столь нелегкому мастерству у нашего вечного друга, величайшего из ныне живущих драконов – Лунгвайта. А рекомендовал мне его как учителя наш общий друг по имени Баку и ваш единоутробный отец Гуннбьорн, коий является давним спутником и соратником моего наставника!

– Господин Риб, спешу вас заверить, что вы превзошли своего учителя! К сожалению, я не имею чести быть знако-

мой с Баку, но уверена, что он достойнейший из достойнейших, поскольку является и вашим другом.

– О завернула... – восхищенно глядя на сестренку, прошептала Пыль.

– А то, – прошипела в ответ Эль.

Риб скромно потупился, но чувствовалось, что он несказанно счастлив такой оценке.

– Нда... Как и предполагалось, без ББД тут не обошлось. Не-е-е. ББД ему и в подметки не годится... – опять прошептала Эль.

– Бесспорно... Если ББД я выдерживаю с трудом, то от риторики и декламации господина Риб я впадаю в ступор на втором предложении, – так же шепотом согласилась с сестренкой Пыль.

– Девочки?

Эльф вопросительно посмотрел на сестренку.

– Ой, простите, это мы о своем!

– О девичьем?

– Ну да...

– Мне показалось...

– Вам показалось, уверяем вас, – поспешили хором воскликнуть двойняшки.

Пыль покраснела от смущения.

Риб задумчиво посмотрел на нее.

– Я понимаю, что выгляжу странно и для неподготовленного собеседника моя речь может показаться излишне слож-

ной и трудно объяснимой. Не надо смущаться. В конце концов я к этому давно привык.

Он грустно улыбнулся.

– Ах, что вы, господин Рибхукшан Плодородный, мы совсем не это имели ввиду, – Эль с от смущения умудрилась сходу выговорить сложное имя Эльфа.

Эльф еще раз улыбнулся и махнул рукой, потом нахмурился и озадаченно спросил:

– Вы сказали, что не знакомы с Баку?

– Да, именно так, а что?

– Странно, я уверен, что вы те, кто мне нужен, но то, что вы не знакомы с...

– Уверяем вас, что это так и есть, – поспешила заверить Риб Пыль.

– Не стоит, милая Пыль. Сам виноват, что все напутал. Я часто путаюсь. Это и не мудрено. Грани Ленты Времени – настолько сложное понятие, что даже мы иногда путаемся, оказавшись вне нашего берега. И потом, я могу допустить, что вы знаете Баку под другим именем, поскольку оно его мало кому озвучивает.

Эль и Пыль пожали плечами.

Эльф истолковал это по-своему.

– Да, да, спасибо, что соглашаетесь принять мои извинения за неумышленное введение вас в недоумение! Вы ведь именно так выражаете свое согласие?

Девочки кивнули одновременно, а Риб продолжил:

– И, конечно, я прошу прощения, как кавалер «Единожды Взошедшей Звезды» и, в конце концов, как мужчина! Я был не учтив и не должен был интересоваться вашими женскими секретами!..

– Нет-нет, вы нас ничем не обидели! – воскликнула Пыль.

– Вы уверены?

– Не сомневайтесь, прошу вас, любезный Рибхукшан, – подтвердила Эль.

– Благодарю, милые леди! **Нет ничего страшнее наказания для мужчины, чем посвящение в женские секреты, и ничего постыднее, чем пытаться их выведать! И, конечно, нет ничего безнадежнее, чем их постичь!**

Я уж не говорю о секретах Фей!

– Фей мужчин или женщин? – поинтересовалась Пыль.

– ХА-ХА-ХА-ХА-АХ, как смешно! Как мужчина может быть Феей? Это... Это... Это тоже самое, как сказать, что мужчина может быть женщиной! Это решительно невозможно, мои милые девочки!

Риб в очередной раз вытащил из сумки свой чудный прибор, прищурился, пошевелил губами, поднял к небу голову, почесал в затылке и, наконец, решительно произнес:

– Юные леди, боюсь, что наше общение придется прервать, ибо нам пора.

– Конечно, мистер Риб.

– Я могу заказывать для вас куверты?

– Чего?

– Карточки для гостей, мои милые. Чудесные карточки с золотым обрезом и виньеткой. Карточки, на которых каллиграфическим почерком с завитками будут указаны ваши имена. Карточки, что будут разложены на столах с дивной точностью, дабы избежать путаницы в рассадке гостей. И не просто гостей, а гостей, удостоенных чести быть приглашенными на торжественный обед и празднование, что будут даны в честь нашего нового правителя.

Эль воскликнула:

– Ах, вот как? Пренебреженно закажите эти самые э-э-э-э-э...

– Куверты! – поспешила помочь сестренке Пыль.

– Спасибо, милая Пыль, – поблагодарила близняшку Эль и закончила: – Именно, господин Рибхукшан. Именно их. Мы непременно будем!

– Благодарю, а теперь нам пора, и я вынужден с вами попрощаться, одно меня радует, что ненадолго! Мне надо будет еще постараться, чтоб успеть к вашему приходу, ибо это случится вот-вот! До свидания, девочки!

– До свидания, мистер Рибхукшан, – Эль, войдя в роль, даже сделала книксен.

Риб поднял своего Поньйи на дыбы и помчался во весь опор прочь! Его отряд, не мешкая, последовал за ним. Последнее, что они услышали, был радостный крик Эльфа, обращенный к ним:

– И спасибо вам, любезные леди, что так быстро научи-

лись выговаривать мое им-я-я-я-я-я-я-я-а-а-а...

Некоторое время девчонки шли молча. Первой нарушила молчание Эль.

– Вот так Поньйи.

Пыль молчала.

– Я говорю...

– Да слышала я, Эль! Не мешай, пожалуйста, я думаю.

Эль примолкла на мгновение, но, не выдержав, спросила:

– Пыль, а как они это делают?

– Об этом я и думаю.

– А, понятно. А еще подумай о том, что он говорил.

– В смысле?

– О коронации же!

– Да какая разница! Ну коронуют кого-то, нам-то что!

– Пыль, коронация первая за последнюю тысячу лет!

– Ну и что?

– С какой такой великой радости Эльфам взбрело в голову приглашать именно нас?

– Ну не знаю...

– Слушай, а может, мы особенные? Ну там... Избранные или еще чего...

– Ага, избранные, жди. Может, нас в качестве угощения пригласили!

– Чего? Какого там угощения!

– Десерт на сладкое, для нового короля, например.

– Фу ты! Ну что ты несешь чушь!

– Это ты несешь чушь, а я ее держу в себе, чтобы из нее родилась истина! Просто ты мешаешь мне думать!

– О чем? – Эль не обратила внимания на обидное замечание Пыль.

– Как они это делают.

– Всего-то? – Эль подозрительно посмотрела на Пыль.

– Всего-то? Да они невидимы!

– О, Пыль, я, конечно, не смогу тебе в деталях дать объяснение невидимости, но наверняка это связано с тем, что нам рассказывали в школе о природе света.

– Чего? – Пыль наконец-то заинтересованно посмотрела на Эль.

– Того! – Эль почувствовала внимание сестры и авторитетно заговорила: – Скорее всего, это доспехи.

– Доспехи?

– Ты заметила разноцветные световые полосы?

– Ну да. До сих пор в глазах рябит.

– Это как радуга.

– Типа свет преломляется и...

– Да, Пыль! Думаю, что в гранях доспехов свет преломляется и мы видим его составляющие. Потом они опять преломляются на другой грани и он опять бесцветный и...

– Что «и»?

– Дальше я не додумала, но, скорее всего, они становятся невидимыми. То есть мы видим то, что находится в любой

точке вокруг них, а их не видим.

Пыль нахмурила лоб в попытке осознать сказанное и про-
бормотала:

– Похоже на бред, но и на правду тоже похоже...

Приободренная такой реакцией сестры (настолько редко сестра с ней соглашалась), Эль продолжила.

– И у меня еще есть теория о том, что мы не сразу их услышали!

– Тут у меня нет недопонимания. Например, летучие мы-
ши производят звук, но мы его в «Хомо Сапиенс-конфигу-
рации» не слышим.

Эль чуть расстроилась, но кивнула головой.

– Точно!

– А вот по свету – не знаю.

– Да точно, я тебе говорю!

– Ладно, сойдет как теория. Молодец, Эль!

Эль довольно улыбнулась.

– Ладно, поговорим об этом позже.

Глава 19

Тем временем тропинка закончилась, и девчонки подошли к дюнам. Песок был плотным и еще влажным, идти было легко, и двойняшки, не прибегая к облегчающему движения «леви», направились кводе.

Песок пел свою извечносварливую песню под босыми пятками, низкие сосенки легко и небожно царапались длинными, смолистыми иголками, оставляя на загоревших ногах сестренек причудливый узор из тонких белых черточек.

Пахло отливом, хвоей и теплым ветром. Эль и Пыль преодолели дюны, прибрежную полосу пляжа и, шлепая по лужицам, оставшимся после отлива, подошли к лодке, которая, чуть накренившись на черный просмоленный бок, стояла довольно далеко от берега.

– Ты помнишь мою стихотворную памятку в стиле Гомера по поводу близкой луны и отливов? – спросила Эль.

– Мой милый друг, тебе не кажется, что дойти до лодки намного легче, чем доплыть? Вот я и попросила папу оставить ее в черте отлива. Все под контролем мудрый... и занудный друг.

Эль хмыкнула, но возражать было глупо. Она действительно забыла про условия «Квеста».

Лодку своими руками от кия до клотика сделал папа. Трудился он довольно долго, но и «Драккар» (как гордо на-

зывал свою лодку папа) получился на славу! Легкий на весах, быстрый под парусом, послушный рулю и очень надежный в любую погоду.

С кормы лодки мокрой бесформенной змеей безжизненно свисала веревка. Конец веревки был закреплен на бесполезном во время отлива якоре, который торчал из комка подсохших водорослей совсем рядом с лодкой.

– Вовремя успели! – порадовалась Пыль.

– Ну да, вовремя! Еще парочка напутствий от мамы и еще одна беседа с Эльфом, и добираться до лодки надо было бы вплавь, – согласилась Эль, глядя, как волны начинают отвоёвывать поле вечной битвы отлива и прилива.

Наконец вода начала прибывать, лодку качнуло, и она встала на ровный киль.

– Да, пора! Я выбираю якорь, а ты давай парус готовь! – скомандовала Пыль.

– Я так поняла, что ты сегодня капитан?

Эль произнесла это без укора. Во-первых, спор с сестрой был, как правило, бесполезен. Во-вторых, осмотр и возня с нехитрым рангоутом и такелажем одномачтовой яхты доставляли ей удовольствие.

– Правильно поняла, матрос Эль! И скажи спасибо, что я, будучи капитаном, взяла на себя труд тащить на борт таку-у-у-ую тяжесть, – кряхтя от напряжения, пробурчала Пыль, и якорь лег на дно лодки рядом с бухтой толстой веревки...

Выход этот был далеко не первым для девчонок. Эль и

Пыль отлично знали оснастку и возможности судна. Папа не мучал их наукой судовождения и, несмотря на возражения мамы, которая настаивала на том, что их надо подготовить теоретически, в первый же день после спуска на воду лодки вышел с ними в море. Восторг был таким, что сложную и (что там скрывать) достаточно скучную теорию девочки «проглотили» как желанную и интересную. Все эти названия – ют, бак, корма, киль, клотик, шкафут, леер, форштевень, кнехт, конец, шкерт, обрез и так далее – звучали для них, как музыка. Они словно подчеркивали их принадлежность к касте особо посвященных.

Когда все было готово, Пыль села к рулю, Эль подняла парус и... качнувшись на пологой волне, лодка изящно развернулась правым бортом к ветру, чуть наклонилась на левый, еще раз провалилась в распадок между волнами и, наконец, резво рванувшись вперед, пошла на восток, туда, где скрывалось то место за изгибом горизонта, в котором море обрывалось «Морепадом».

Переход до точки назначения был достаточно долог, поскольку ветер немного сменил направление и лодку приходилось вести галсами. Однако сестренка это не расстраивало, а напротив, было воспринято как возможность отточить мореходное мастерство.

Наконец они достигли цели, парус был убран, а якорь брошен так, чтобы лодка оказалась кормой к «Морепаду».

Пыль и Эль разделись, положили одежду в один из непро-

мокаемых мешков – «поросят»(так их называл Папа), в другого «поросенка» была положена сумка с маминой стряпней и папина «Книга». Привычно ловко девочки накрепко затянули веревочные петли на горловинах «поросят», и те полетели за борт. За грузом без промедления гольшом прыгнули и его хозяева. Вынырнув, каждая у своего мешка, девчонки схватились за них, как за буйки и отфыркиваясь, поплыли к «языку»«Морепада». Их хрупкие фигурки казались беззащитными на фоне величественного, циклопического обрыва. И вот двойняшки, увлеченные тяжелым, совершенно беззвучным потоком воды, сорвались в бездну, одновременно крикнув восторженное «Йо-хо!!!!»

Глава 20

Там, далеко-далеко внизу, за этим зрелищем (не без волнения) наблюдал ББД, давно прибывший на место назначенной встречи.

Он вернулся в «Предел» из очередной вылазки на четвертый берег, прошедшей ночью. Путешествие, на первый взгляд, было недолгим и неопасным, именно поэтому с ним был и Мил. В одной из таверн (ох уж эти таверны!) Лунгвайта слегка озадачил пьяный разговор парочки торговцев шерстью (ну а какой же еще разговор, если не пьяный, может быть в подобном заведении).

Сначала, когда торговцы болтали о ценах на овечью пряжу этой осенью и возмущались налогами на владение пастбищами, он слушал вполуха, но когда выяснилось, что они продавали пряжу на юге, стал более внимателен.

– Надо отдать должное Королю и Королеве, столица стала лучше.

– С такими налогами на торговлю есть откуда брать деньги. Казна, поди, ломится от золота!

– Налоги здесь не при чем, дружище. Да и не такие они и высокие. Все дело в Ее Высочестве.

– Да, тут ты прав. Девчонка навела порядок в городе! Собрала всех нищих и поставила условие: либо они все идут за стены и там подышают с голоду, либо работают в Мусорном

департаменте.

– Неплохое решение, согласись.

– Мудрое. Согласен.

– Ну да, раньше они жили на подаяния, а теперь получают деньги за уборку улиц. Слышал, что работа эта оплачивается неплохо. И все из казны, заметь! А это налоги.

– Чушь! Раньше эти деньги шли на содержание ночлежек и лечение страждущих и нищих, а теперь эти самые нищие и страждущие могут себе позволить жить в более-менее приличных домах. Да и мелкая преступность почти пропала.

– Да, дружище, мелких воришек и карманников в городе поубавилось.

– Тут это не при чем. У них новый начальник городской стражи – зверюга!

– Лютует?

– О-о-о! Лютует – не то слово!

– «Новая метла»?

– Ну да, но дело свое знает.

– Вот и я говорю – молодец девчонка. А главное, что в городе чистота!

– Девчонка молодец! Вот кому-то повезет с женьитьбой.

– Да она ведь венчаная! Уж парню-то повезло.

– Вот как? А кто жених-то?

– Да рыцарь какой-то!

– Во дает! Принцессы обычно за принцев выходят.

– Ну так...

– Ну кто бы он ни был, за его здоровье!

– Поддерживаю, – и тоже отхлебнул из кружки. – С такой невестой здоровье ему понадобится!

– Ха-ха-ха! – дружно заржали болтуны.

– Ну так и не скажешь, что он рыцарь! Был я на венчании прошлой осенью. Тихий, скромный. Слова не сказал. Что твое чучело!

– Ну, то, что он молчун, то это не грех.

– Не грех. Хотя лучше, когда жена молчит!

– Ха-ха-ха! – заржали они хором.

– Выпьем? – поднял кружку толстый торговец.

– И не раз! – поддержал его его худой приятель.

И тут один из них обратился к Лунгу.

– Дружище, я вот смотрю на тебя и не пойму.

– Ты мне?

– Тебе, тебе, дружище. Ты из какого клана?

– Клана? – Лунгвайт на мгновение растерялся.

– Ну да, клана. Смотрю на клетку твоего килта и не пойму.

– Клан Мак Лунгов, – наконец, сообразив, о чем речь, соврал Лунг.

– Не слышал такого или запомнил. Видать, с восточного берега? Мы-то с северного, дружище.

– Так и есть, с восточного.

– А что за зверушка с тобой? – чуть издевательски продолжил торговец.

– Собака, приятель. – Лунгвайт погладил Мила по спинке.

– Собака овец пасет да волков гоняет от отары, а у тебя не собака, дружище, а недоразумение. Такую собаку и овца копытом зашибет.

– Это щенок.

– Мелкий он какой-то у тебя.

– Вырастет.

– Ну-ну, приятель. А то знаешь, бывает, собаки и не вырастают, а бывает, что мужчина говорит, что на нем килт, а на нем юбка бабья.

Он Мил на этой фразе вдруг оскалил щенячьи зубы и утробно зарычал. Лунгвайт, пристально посмотрев на подвыпившего торговца, положил руку на эфес меча и тихо произнес:

– А бывает, что и болтливая баба наденет килт и утверждает, что она мужчина.

Видимо, торговец понял, что зарвался, и мгновенно переменял тон.

– Ух ты! А характер что надо у собачки. Хоть и мелкий он. Хорошая, видать, псина будет. С восточного берега, значит, ты, приятель? Ты не сердись, приятель, только я все кланы по клеткам знаю, а твоего клана не знаю. Я ведь килты всем кланам в наших краях поставляю. У меня шерсть лучшая.

– У нас свой поставщик, – Лунг, будто нехотя, убрал руку с эфеса.

– Ну, свой так свой. Я что? Я ничего.

Торговцы молча допили эль и спешно покинули таверну.

Видимо, Лунг их немножко напугал своей вспыльчивостью.

– Ты это слышал, Мил? – ББД внимательно посмотрел на Мила.

Он Мил громко чихнул. Лунгвайт нервно покрутил колечко на безымянном пальце.

– Мил? Что скажешь? Принцессы выходят замуж за рыцарей. Почему бы и мне не попытаться счастья?

Мил внимательно смотрел на Лунга.

– Думаю, что ни одна принцесса мне не сможет отказать. – продолжил Лунг. – Вот и колечко у меня есть. – Лунг еще раз посмотрел на кольцо.

Но Он Мил вдруг стал безразличен к болтовне Лунга, отвернулся от него и принялся задней лапой чесать ухо.

– Ну и ладно, – обиженно пробормотал ББД.

Щенок отвлекся от своего занятия, внимательно посмотрел на Лунга и снова громко чихнул.

– Ты думаешь?

Мил еще раз чихнул.

– Да какого... Решено! Сейчас возвращаемся в Предел, ведь у нас встреча с Эль и Пыль, а денька через два...

Мил опять чихнул.

– Завтра?

Мил на этот раз не чихнул, но посмотрел на Лунга, скосив голову, словно тот нес полную бессмыслицу.

– Да, Мил. Конечно же, сегодня. Сегодня! Сразу после встречи с девчонками я и отправлюсь за предел. Чего я жду?

Я ведь давно все решил для себя. Пойдешь со мной?

Мил равнодушно зевнул и снова принялся чесать ухо задней лапой.

И вот этим же утром он наблюдал, с места назначенной встречи за полетом девчонок.

– Он Мил, смотри! Вот и наши отважные близняшки!

Пес, конечно, ничего не видел, но, отреагировав на голос хозяина, начал нервно переступать всеми лапами и нюхать воздух.

Тем временем от падающего потока воды на невысказанной высоте отделились две едва различимые точки – это Эль и Пыль постепенно увеличивали «леви».

ББД не без гордости за учениц продолжал наблюдение.

– Ишь ты! Ай да умнички, – воскликнул ББД, увидев, как чуть выше стремительных загорелых стрел распустились два небольших купола, на которых повисли мешки, прихваченные нашими героями с лодки и сейчас им мешающие.

– Ишь ты, что придумали! Умницы какие! Замечательное изобретение! Обязательно их похвалю!.. Если останутся живы...

Он Мил с любопытством поднял глаза на ББД.

– Хи-хи-хи, – добавил ББД успокаивающе и продолжил наблюдать за своими подопечными.

Падение близняшек постепенно становилось все более управляемым. Эль и Пыль покинули стремнину морепеда

и перемещались все дальше от вертикального потока воды. Вес перестал определять траекторию полета. Девочки мастерски пользовались тем, что было возможно выжать из обычного человеческого тела, чтобы управлять полетом. Оставив около четверти своего обычного веса, они умудрялись лететь практически горизонтально вдоль падающей водяной стены на бешеной скорости, которая едва ли не превышала максимальную скорость дракона в третьей конфигурации.

Наконец, в некотором отдалении от ББД, закончив полет, девчонки мягко коснулись поверхности земли и незамедлительно побежали туда, куда вот-вот должны были приземлиться их мешки.

Один из мешков мягко приземлился у кромки воды, а второму не повезло. Порыв ветра швырнул его к скале, язык водопада слизнул добычу, и в одно мгновение «поросенок» канул в его утробе.

– Нда, небольшая заминочка. По крайней мере, теперь у нас есть ответ на вопрос, когда, при каких обстоятельствах и кто умудрился потерять «Книгу», – Лунгвайт равнодушно пожал плечами.

Спустя некоторое время, уже одетые (в короткие майки и шорты), Эль и Пыль, наконец встретились с ББД.

ББД развел руки в стороны, чтобы обнять девочек, и уже начал хвалебную речь, но был перебит ими в самом начале.

– ББД, мешок! Мешок с мамиными гостинцами и вашей

с папой «Книгой» пропал в водопаде! Мы не рассчитали немножко.

– Все не так уж непоправимо, – улыбнулся ББД.

– Книга и гостинцы от мамы, – Эль готова была расплакаться.

– Полагаю, что одежда в данный момент важнее.

– Но, ББД, папа очень расстроится.

– Я все объясню, а учитывая завидное свойство вашего отца сохранять спокойствие в самых затруднительных жизненных ситуациях, не думаю, что потеря так уж его расстроит. Тем более что ничто и никогда не исчезает бесследно.

Эль недоверчиво, но благодарно подняла глаза на ББД.

– Правда?

– Ну конечно, дурашка!

Тут Пыль неожиданно вмешалась в разговор (ее не столь тронула эта досадная потеря) и затараторила:

– ББД, ББД, ты видел? Видел, там, у самой границы Предела?

– Что? Что я должен был увидеть?

– Там стоит что-то похожее на шатер. И дымом пахнет!

Неужели ты не почувствовал?

Действительно! То, что ББД принял за реакцию Он Мила на свои слова о девочках, на самом деле было вызвано этим едва уловимым запахом. Запахом костра и чего-то вкусного.

Кто бы это мог быть? Кому(кроме него) из обитателей «Трибрежного Моря» могло взбрести в голову устраивать

пикник на излюбленном месте прогулок Троллей?

ББД был озадачен не меньше двойняшек. Ведь он совсем недавно (за несколько часов до рассвета) пересек предел «Предела» недалеко от того места, где девчонки заметили шатер, но никого там не заметил.

Не сговариваясь, все трое поспешили в ту сторону, где был разбит лагерь, который девочки увидели с высоты.

Все трое, потому что Мил в процессе их разговора черным лохматым комком уже унесся именно в том направлении.

Девочки попытались его окликнуть, но пес, казалось, не слышал их.

– На Вашем месте я бы доверился инстинктам нашего лохматого друга. Судя по его поведению, опасности от этой встречи ждать не надо, – попытался успокоить и себя и девочек ББД. – Там, за пределом «Предела», сородичи нашего друга Мила (которые, впрочем, не всегда выглядят как комки шерсти) всегда идут впереди хозяев и предупреждают их об опасности, если таковая имеется...

– Он сейчас оттуда? – вполуха слушая ББД, спросила Эль.

– В таком необычном виде он всегда оттуда или туда... – ответила Пыль.

Одежда на ББД действительно была не то что непривычна для Предела, однако не часто мужчины в Пределе носили килт и широкий ремень через плечо, на которых болтались потертые кожаные ножны с тяжеленным мечом. Предплечья ББД охватывали широкие серебрянные браслеты.

– Нда, надо будет поговорить с вашей мамой о Вашем воспитании...

– А чо? – хором воскликнули Эль и Пыль.

– А ничо! Зайца с тряпок на плечо!

Девочки с непониманием посмотрели на ББД.

– С тряпок «Чо»? – озадаченно спросила Пыль.

– Да не «ЧО»! А «Кого»! Нда, кровь не водица... С папой надо говорить!.. Только с папой! Пожалуй, о вашем воспитании я с Нельгдой говорить не буду, – а потом добавил, уже обращаясь к близняшкам: – Нет такого слова – «Чо», и о присутствующих в третьем лице не говорят... Нда...

Пыль сделала вид, что ей стыдно, а Эль и того не сделала.

– Только с папой! Никаких мам! – уже только себе под нос пробормотал ББД.

Между тем наши герои приближались к шатру и к тому, кто его разбил на каменистом берегу быстрого ручейка, бегущего практически по границе «Предела».

Уже можно было рассмотреть необычное для этого места сооружение почти во всех подробностях.

Шатер состоял из нескольких полотен, окрашенных в многочисленные оттенки зеленого цвета. Рассмотревший цвета ББД прибавил шагу, он почти побежал, что-то бормоча.

Вход был закрыт пологом. Рядом с шатром торчало копье, на конце которого лениво покачивался зеленый же штандарт с изображением двухцветного диагонального креста.

Как только рисунок стал виден более четко, поведение ББД разительно поменялось! Он вдруг остановился как вкопанный. Пыль остановилась рядом, а Эль, идущая чуть позади, не успела и со всей мочи влетела в ББД, очень больно стукнувшись о рукоять меча, торчащего из ножен. Однако тот, казалось, ничего не заметил и совсем не обратил внимания на жалобное «ой» Эли.

Тут уж началось и совсем невероятное. ББД, «включив» полное «леви» и оставшись только с положительным весом одежды и меча, рванулся вперед и преодолел оставшееся до шатра расстояние в два гигантских прыжка. Он остановился точно у порога шатра, ровно на расстоянии вытянутой руки. Пораженные не столько мастерством учителя, сколько его необычным поведением, Эль и Пыль остались на месте и лишь через несколько мгновений, опомнившись, припустили за ним.

– Пыль, Пыль! Что случилось? Пыль я, я... Я боюсь. А вдруг там уже семейка Троллей хозяйничает? Кто-то поставил шатер, а ты ведь знаешь, как они относятся к любым непрошеным гостям. А уж если гости шатры ставят! – Эль в ужасе закатила глаза.

– Они не опасны, Эль.

– Они не опасны, если они тебя пригласили в гости и обговорили условия твоего присутствия, а если без приглашения, да ты еще и назвал им свое имя...

– Эль, прекрати меня пугать!

– Пыль, я сама жутко боюсь!

– Эль, если б я не бежала, то... умерла бы от страха! Так что я тоже боюсь.

– Да-а-а-авай быстрее же, Пыль! Быстрее беги! Чего отстаешь-то? Если ты не будешь бежать впереди, то я побегу от страха в другую сторону! Ой, папочка-а-а, почему ты не поплыл с нами-и-и-и!

Эль и Пыль бежали на помощь своему учителю.

Полог шатра откинулся, и Лунгвайт, уже намеревавшийся постучать, медленно опустил руку и удивленно воскликнул:

– О, Один! Ты здесь откуда?

Двойняшки остановились как вкопанные.

– Вот те нате... Вот так Троль, – удивленно посмотрев на сестренку, сдавленно пробормотала Эль и снова посмотрела на...

Глава 21

История, объясняющая все, что мы уже услышали, и объясняющая странное поведение ББД при виде шатра в «Пределе», но еще не рассказанная девочкам.

История, которая в ближайшее время не будет рассказана им ПОЛНОСТЬЮ (по причине юного возраста наших двойняшек), хотя такие истории ОЧЕНЬ ПРАВЯТСЯ ЮНЫМ ДЕВОЧКАМ. И МАЛЬЧИКАМ ТОЖЕ!(может и больше, чем девочкам)

Почти... ЗА ГОД ДО ОПИСАННЫХ ВЫШЕ СОБЫТИЙ.

Насколько этот город был прекрасен издали, настолько он оказался безобразен при ближайшем рассмотрении. Нет, не сам город, а образ жизни, который приходилось вести в нем его жителям.

ББД вошел в главные ворота, отдав остатки мелкой монеты избалованным подачками стражникам. С грустью ББД смотрел на узкие улочки города, служившие горожанам как для передвижения, так и в качестве стоков для нечистот.

По опыту пребывания в подобных городах ББД знал, что жителями очень ценились дома, где преобладала «роза ветров», способствующая естественному проветриванию улиц. Ибо инаселению все это не очень нравилось. Запах был на-

столько тяжел, что наш путешественник, на мгновение забыв о том, где он и чем это может кончиться, едва не «трансформнул» фильтры для защиты от этой нестерпимой вони, но вовремя спохватился.

– Надеюсь, я здесь пробуду недолго, – сам себе сказал ББД.

Жаловаться он мог только на себя, ведь это была его идея посетить старую библиотеку, находящуюся неподалеку от королевского дворца. Он надеялся найти в текстах старинных книг и регистрационных записей следы тех, кто мог быть причастен к поиску новых «точек конфигурации» и, основываясь на информации, которая была ему открыта тем давним случаем с Нельгдой, найти следы потомков Великих, а если повезет, то найти и самих потомков.

Для начала надо было найти приличный постоялый двор, устроиться и немного отдохнуть.

Есть не хотелось, так как стояло лето и ББД вполне хватало солнечного света и той куропатки, что он подстрелил из лука день назад и с удовольствием съел, предварительно зажарив до хрустящей корочки на кончике меча над огнем походного костра. Коня можно было пока не кормить, так как он до отвала наелся овса сегодня утром и был сыт.

Прекрасный иноходец попался ему на глаза, когда наш герой кое-как провел ночь в блохастой таверне, находящейся менее чем в дне пешего перехода до столицы. Лунгвайт проснулся, помылся и уже собирался тронуться в путь. Тут-

то ему и пришла в голову идея продолжить путь верхом. Тем более что это соответствовало его образу. Выяснив у трактирщика, кому принадлежит конь, ББД вошел в обеденный зал и нашел хозяина.

Хозяин коня, немый, косматый парень, наотрез отказывался от денег, и ББД уже был готов поступиться принципами и попросту отобрать понравившееся животное, но тут выяснилось, что владельцу не чужд порок азарта.

Судя по внешнему виду рыцаря, азарт сыграл с ним нехорошую шутку. Легкие доспехи кое-где покрылись пятнами ржавчины. Щит, прислоненный к треногому табурету, видимо, был недавно выигран у еще менее везучего рыцаря, поскольку сквозь слой свежей краски с гербом в цветах и знаках новоиспеченного владельца (это было синее озеро в обрамлении камышовых цветков) просвечивал герб предыдущего хозяина щита, изображавший черного оленя.

Прекрасный жеребец либо был последним, что оставалось у рыцаря, либо фортуна иногда была к нему благосклонна и животное им было выиграно. Скорее всего, второе, ибо на вопрос ББД о возрасте коня хозяин дал весьма расплывчатый ответ.

Поскольку бедный рыцать (оруженосца у него не было) считал себя непобедимым стрелком из лука(это ББД было услышано из громко-пьяного разговора рыцаря с собутыльниками), то спровоцировать его на пари не составило особого труда. Ставка была простой – жеребец против меча, по-

направившегося молодому спорщику.

Бедолага понял, что проиграет, уже на стадии обсуждения расстояния до мишени. ББД предложил тому стрелять за триста шагов. Уже не веря в выигрыш, тот снизил дистанцию стрельбы до ста шагов, но было понятно, что только рыцарская честь и наличие свидетелей мешают ему отказаться от пари.

Лунгвайт стрелял первым, и первая же стрела подтвердила самые худшие опасения его противника. Когда пришел черед стрелять владельцу коня, то он, взяв лук и стрелу в руки, прицелился было, но тут же опустил оружие и, проявив немалое мужество, признал поражение.

Вид у парня был настолько подавленный, что, забрав коня, ББД великодушно подарил проигравшему короткий клинок нержавеющей стали с богато украшенной серебром ручкой. Новый знакомый Лунга был так поражен благородством и щедростью выигравшего (это оружие стоило больше, чем проигранный им конь и предложенная изначально сумма), что настоял на клятве в вечной рыцарской дружбе, шутливо представившись как Рыцарь «Болот, озер и прочей никому не нужной сырости».

День был потерян, и Лунгвайт принял решение выехать до восхода солнца на следующее утро. Поняв, что еще одной ночи в таверне он не выдержит, ББД спустился к реке, что протекала неподалеку, искупался и, не одеваясь, а лишь укрывшись плащом, заснул.

Роса еще не выпала, но утренний туман уже опустился на реку. Еще не до конца проснувшись, Лунгвайт выскользнул из-под плаща и тихонько вошел в воду. Стояла тишина, и течение выдавало себя только листьями и травинками, медленно плывущими вдоль берега.

ББД стоял по шею в воде и, запрокинув голову к небу, смотрел на еще яркие звезды. Рассвет явно не торопился. Посмотрев на восток, Лунгвайт понял причину. Весь горизонт застилала черная, едва угадывающаяся на фоне ночного неба, туча.

– Ну что ж, пора. Надо успеть до дождя.

ББД вышел из реки, не вытираясь, оделся и двинулся в сторону таверны, чтобы забрать коня и двинуться в путь. Поднимаясь на крутой берег, скрывавший таверну со стороны реки, он услышал лязганье металла о камень и приглушенные голоса. Подгоняемый любопытством, Лунгвайт ускорил подъем и сначала увидел в сумерках свежий холмик земли, а потом и двоих парней с лопатами. Макушка одного из них торчала из ямы. Громко пыхтя, он выбрасывал из ямы землю и тихонько ругался.

– Сплошные каменюки!

– Ну, так что? Может, достаточно уже?

– Не, еще на штык надо поглубже.

– А червяки попадаются?

– Да, я их в мешочек складываю.

– Эт хорошо. Закончим копать – и на рыбалочку! Только

бы успеть до дождя. Видишь, туча какая на горизонте.

– Успеем! Нам ведь только выкопать могилку, а дальше ничего не велено.

– И то. Интересно, а кого хоронить-то будут?

– А тебе не все равно?

– Все равно, конечно, но все же.

– А мне все равно.

Парни были заняты работой и, несмотря на довольно странное время и место для подобного занятия, Лунгвайт не придавал особого значения увиденной картине и, не замеченный землекопами, направился к таверне.

Конюх, предупрежденный о раннем отъезде гостя, уже не спал и как раз к приходу хозяина закончил седлать коня.

– Все идет как нельзя лучше.

ББД подошел к своему коню, проверил стремяна, подпругу и, оставшись довольным, протянул конюху серебряную монету.

– Благодарствую, но вы же вчера заплатили.

– Работа сделана хорошо, да и ранний подъем ото сна должен быть оплачен, приятель.

– Спасибо. Славная у вас лошадка.

– Самому нравится.

– Счастливого пути. Подковы я проверил, сбруя в порядке, доедете!

– Еще раз благодарю, дружище.

Тут двери таверны открылись, и в тусклом свете появи-

лась знакомая фигура.

– А, сэр, э-э-э-э... Не помню, как вас там.

– Лунг, – усмехнувшись напомнил ББД.

– Ну, да! Так оно и есть. Вы куда это без меня собрались на моей лошадке?

– Да вы пьяны, дружище? Утро, а вы уже лыка не вяжете!

Вы хоть помните, что вчера было?

– А как же! Мы ведь с вами из лука стреляли!

– И?

– Что – «и»?

– Мы стреляли из лука, и?..

– Ох... (пьянчужка грязно выругался).

– Вспомнили, стало быть?

Собеседник Лунга явно расстроился. Он подошел к коню, погладил по шее, хлопнул носом и пьяно забормотал:

– Прости меня, мой верный друг. Хоть и не выносил ты меня раненого из кровавых сражений... – пьянчужка задумался на секунду и продолжил: – Насколько я помню, конечно... Но! Славным ты был конем и приносил мне удачу, пусть и недолго. Коль сей благородный рыцарь утверждает, что ты теперь его, то я возражать не буду. Наверняка все так и есть. Служи новому хозяину, а меня не поминай лихом.

– Нда-а-а-а, – только и смог произнести Лунгвайт.

– Послушайте, а может, я с вами? – вдруг спросил пьянчужка и посмотрел на ББД такими несчастными глазами, что у Лунгвайта защемило сердце.

Непонятно чем, но парень задел какую-то струну в его душе. Просьба прозвучала так безысходно и почти безнадежно, будто от решения Лунгвайта зависела его жизнь.

– Жду вас в течение пяти минут, – неожиданно для себя произнес ББД.

– Да, я сию секунду. Сейчас! Вы не уезжайте! Хорошо?

– Не тратьте времени. Жду.

Так ББД обрел коня и нового сомнительного друга – пьяницу и игрока.

Парень быстро, насколько позволяло его состояние, зашагал к двери таверны, а ББД остался на улице.

Однако время шло, а тот все не появлялся. Лунгвайт с досадой посмотрел на горизонт. Солнце пыталось пробиться сквозь тучи на востоке, но рассвет так и не наступал.

– Еще чуть-чуть подожду и поеду. Не хватало еще под дождь попасть из-за этого выпивохи...

Наконец его терпение лопнуло, и Лунгвайт решил уехать один, но для приличия еще немножко подождал у коновязи своего нового приятеля.

Тут из таверны донеслась ругань и опасный звук вынимаемой из ножен стали, а чуть позже и восклицание: «Держу пари, что вы жульничали! Извольте обнажить свой мечь!»

ББД понял, что ждать бесполезно, логично заключив, что молодой пьянчужка ввязался в очередную и, видимо, привычную для себя переделку. Лунгвайт тронул поводья и направил коня к воротам.

Когда он выезжал из ворот на дорогу, навстречу ему прошел невесть откуда взявшийся ранний путник в темном плаще и надвинутом на глаза капюшоне. По фигуре Лунгвайт понял, что перед ним женщина.

– Леди, прошу прощения, но если вы направляетесь в таверну с целью передохнуть, то я хотел бы вас предупредить, что лучше поискать другую. Мне кажется, что публика там не самая воспитанная.

Женщина остановилась, откинула капюшон и внимательно посмотрела на Лунгвайта.

Вопреки его ожиданиям, это оказалась не поломойка и не кухарка. То, как она держала спину, ее ухоженные волосы и прямой взгляд выдавали в ней породу. Лунгвайт определил ее возраст (насколько позволяло освещение) как лет сорок – сорок пять.

Наконец она ответила неожиданно молодым и звонким голосом:

– Гроза, похоже, неизбежна, как неизбежна и драка в заведениях, подобных этому. И мне надо поторопиться, чтобы не пропустить ни то и ни другое. Так что спасибо за предупреждение, но это именно та таверна, которая мне нужна. Что касается публики, то я получше вашего знаю, на что она способна.

Женщина быстрым шагом продолжила свой путь, а Лунгвайт пожал плечами и снова тронул поводья.

Без особых приключений и очень быстро

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.